

XP-Pen

НАКОВАЛЬНЯ СУДЬБЫ

Юрий Остроушко
Наковальня судьбы

«Прондо»

2018

УДК 82-3
ББК 84-4(2Рос=Рус)6

Остроушко Ю.

Наковальня судьбы / Ю. Остроушко — «Прондо», 2018

ISBN 978-5-6040002-9-8

Молодые герои этого романа ищут себя, свое предназначение. Они совершают роковые ошибки, но продолжают движение, доказывая, что на наковальне судьбы они «сталь стойкая», а не бросовый материал, из которого, как ни бейся, ничего путного не выкуешь. Храня верность себе, борясь и рискуя, каждый получает то, к чему стремится – дружбу, любовь, цель для действия.

УДК 82-3
ББК 84-4(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6040002-9-8

© Остроушко Ю., 2018
© Прондо, 2018

Содержание

Курган 1989	5
Глава 1	11
Новосибирск. 2002	34
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юрий Остроушко

Наковальня судьбы

*Автор и издательство выражают благодарность
Стасу Каравашникову
за помощь в публикации этой книги.*

Курган 1989

*Судьба бросала их на наковальни битв...
Дж. Толкиен.*

Это был настоящий бой. По всем законам войны. В последний раз Олег Дегтярев был в такой переделке пять лет назад в Афгане. И если бы у него не было опыта той войны, банда Сологуба смогла бы прорваться и уйти.

Главарь банды Михаил Сологуб тоже был афганец. Старлей, командир группы спецназа. Брал караваны с оружием, наркотой и контрабандой из Пакистана. Вернувшись домой, Сологуб сколотил банду из парней, которые были с ним в Афгане, и занялся бизнесом, который отлично освоил «за речкой»: контрабандой, торговлей оружием и наркотой. Банда Сологуба отличалась исключительной жестокостью, за ней тянулся кровавый след.

И вот все кончено. Из семи человек живым удалось взять только самого Сологуба.

Прямо с поля, не заезжая в оперативно-розыскную часть, старший оперуполномоченный по особо важным делам капитан Дегтярев приехал домой. Одежда провоняла запахами пороха, пота, миазмами немытого тела. Он не мылся и не переодевался, может, три дня, может, пять, пока ждали в засаде банду. Дегтярев хорошо выпил с оперативниками в автобусе, когда возвращались в город, но он еще был на адреналине, алкоголь его не брал.

В доме было тихо. Жена и дети спали. И хорошо. Надежде не надо видеть его таким. На обеденном столе на кухне лежала книжка-раскраска и цветные карандаши. С другой стороны был придвинут высокий детский стульчик. Персональная война, которую Дегтярев объявил Сологубу, закончилась. Он жив. Утром увидит детей.

– Алик.

Дегтярев не слышал, как вошла Надя. Слух у него притупился от грохота выстрелов и еще не восстановился. Надя остановилась, кутаясь в халат, и посмотрела на мужа. Ей не надо было ничего говорить, глаза выразили все.

«Как она измучилась, – подумал Дегтярев. – Бедная моя Надюха. Ничего, теперь все у нас будет хорошо».

– Я грязный и выпил, – сказал Дегтярев. – Лягу отдельно.

Он понимал, что надо приласкать ее и успокоить. Попросить прощения за кошмар этих дней, когда она сходила с ума, не зная, где он и что с ним. Но он не бездушная сволочь, чтобы после того как он убил, вот так просто прийти, поцеловать детей и лечь в постель с женой.

Он убивал в Афгане. Но там была война и там не было выбора. Если не ты, то тебя. Или хуже того – товарища, солдата, за которого ты как командир отвечаешь. Но здесь, дома... У всех, кого сегодня убили, были родители, любимые женщины, у кого-то были жены и дети. У них был выбор, они могли сдать. Но Дегтярев знал, что они не сдадутся. Война у них в крови. Такие не сдаются.

– Хочешь есть? – спросила Надя. – Я могу разогреть ужин.

– Не надо. Иди спать. Я сам.

Глаза у Дегтярева были как наглухо закрытая дверь. Надя видела, что не достучится сейчас до него. Она повернулась, чтобы выйти из кухни.

– Надя, – позвал Дегтярев.

Она обернулась, ожидая, что он скажет.

– Мы взяли Сологуба. Банды больше нет.

– Теперь у нас будет нормальная жизнь?

– Будет... Обещаю, милая, всё у нас будет хорошо.

Олег Дегтярев верил, что выполнит свои обещания. С Сологубом и его бандой мог справиться только он, потому что он понимал суть Сологуба, его мотивации и тактику. У них был общий опыт войны. Но теперь Сологуб сядет пожизненно, а может, получит вышку. И старший оперуполномоченный оперативно-розыскной части Олег Дегтярев может просто заниматься своей обычной работой, лишний раз не рисковать и не подставляться, потому что главное для него семья.

После операции Сологуба поместили в охраняемую палату для криминальных пациентов. Действие обезболивающих еще не прекратилось, и, как с ним не раз случалось под воздействием наркотиков, он провалился в ад своей памяти.

Горела головная машина каравана, подорванная из гранатомета. Черный, тяжелый дым стелился над землей, из клубов дыма прямо на Сологуба выскочил моджахед. Сологуб нажал на спуск автомата, но очереди не последовало. Магазин пуст.

Моджахед стреляет, но одновременно его прошивает очередь, сбивает с ног, и он промахивается. Сологуб видит одного из своих бойцов – лицо в крови и устрашающих разводах камуфляжного грима. Парень что-то орет, но в грохоте стрельбы Сологуб его не слышит. Одним прыжком боец оказывается за спиной у Сологуба, прикрывая его. Сологуб мгновенно выдергивает пустой магазин и вставляет полный. Он стреляет, очереди выкашивают врагов. Сологуб чувствует, как спина к спине с ним двигается боец, надежно прикрывая его.

Дежурная медсестра подошла к палате. Один из охранников открыл дверь и вошел в палату вместе с ней. Сологуб лежал на спине. Под складками больничного одеяла прорисовывались очертания тела атлетически сложенного мужчины. Лицо на подушке выглядело худым и костистым, голова у него была несколько мелковата для такого мощного корпуса.

Медсестра поставила судок со шприцем и ампулами на тумбочку и начала готовить инъекцию. Охранник с безразличным видом наблюдал за ней. Сестра попыталась затянуть жгут на руке Сологуба. Но как только она дотронулась до него, тело, расслабленное под действием промедола, среагировало мгновенно. Сологуб перехватил руку медсестры и одним движением сломал. Раздался треск ломающейся кости, женщина вскрикнула и осела на пол, теряя сознание. Охранник бросился на бандита и вырубил его ударом в челюсть.

Несмотря на все обещания, данные Наде ночью, Дегтярев не смог остаться дома, он ушел раньше, чем проснулись дети. Его ждала писанина. Унылая, тупая писанина, ну и конечно, разбор полетов в кабинете начальства. Он пообещал Нине, что покончив со всей этой галиматией, возьмет отгулы, и они с детьми уедут в дом отдыха.

Утром в субботу Надя увидела, что Дегтярев нацелился куда-то по делам.

– Алик, куда ты?

– Я скоро вернусь. Только съезжу в больницу. Мне нужно допросить Сологуба.

– А в понедельник нельзя это сделать?

– Нет. Он сам хочет со мной поговорить. До понедельника может передумать.

– Алик, может, хватит уже? Мы три года жили как на войне. Ты дома почти не бывал. Дети уже забыли, как выглядит их папка. Тёмка так точно. Чего такого скажет тебе этот зверь, чего ты не знаешь? Он не человек. Это ж кем надо быть, чтобы сломать руку медсестре?

– Надя, ты не понимаешь.

– Чего я не понимаю?

– Это сложный вопрос.

– Вот как? Ну-ка объясни. Может, пойму?

– Медсестре не следовало дотрагиваться до него без предупреждения. Сологуб прошел спецподготовку, потом войну. Он всегда настороже. Отработал на рефлексх. Если бы он был в сознании и контролировал себя, этого бы не случилось.

– Олег, ты как будто оправдываешь его.

– Я просто знаю, как это бывает. Ладно, все. Я пошел. Если что-то надо купить, скажи, я зайду в магазин.

– Алик...

Надя подошла и посмотрела ему в лицо так, словно пыталась за привычными чертами разглядеть что-то другое, страшное, скрытое от нее. Олег Дегтярев был красивый мужик. Даже слишком. Что-то в нем было особенное, не для обычной жизни. По мнению Нади, он был похож на Николая Крюкова из старого фильма «Последний дюйм». Она и влюбилась в него, когда увидела тот же ястребиный профиль и волевые скулы. Только глаза у Дегтярева были не серые, а темно карие.

– Что? – взгляд Нади насторожил Дегтярева.

– Ты тоже там был. На войне. Но ты же не такой?

«Такой, – подумал Дегтярев. – Просто пошел другим путем».

Он нежно привлек к себе жену и зарылся лицом в ее шелковистые кудри.

– Мне повезло, – прошептал он. – Ты сделала меня лучше.

Сологуб никогда не был блатным. Воровской мир он презирал, и хотя и вел дела с воровскими авторитетами, считал себя выше этой шобы и благородней. У него было другое прошлое. В Афгане он начинал как честный солдат, исполняющий свой интернациональный долг. Но очень быстро разобрался, что с чем тут шито. Караваны из Пакистана шли нагруженные ценным добром: натовское оружие, боеприпасы, ювелирка, японская электроника, местные деньги и доллары. Взяв караван, группа Огуна – такой позывной взял себе Сологуб – возвращалась с богатой добычей. Все добро сдавалось на базе прапорам-завхозам, и нетрудно догадаться, в чьих загонах оседало. Иллюзии рассеялись как дым. Война развязала руки. Он почувствовал вкус разбоя, свободы и жестокости. Вернувшись в Союз, Сологуб продолжил свою войну с миром.

Часть биографии, связанная с Афганом, у Дегтярева с Сологубом была общая. Поэтому и отношение к Сологубу было особое. Дегтярев понимал, что Сологуб не урка и уважал его как противника, но это понимание делало их противостояние абсолютно непримиримым.

Три года они были словно скованны незримой цепью. Бандит и законник. Все знали друг о друге, но ни разу не сошлись лицом к лицу. С допросом, действительно, можно было подождать до понедельника, и ни к кому другому Дегтярев в свой выходной в больницу не пошел бы. К Сологубу пошел. Потому что хотел наконец посмотреть в глаза этому человеку.

Сологуб сидел, подсунув подушку под спину. После истории с медсестрой одну руку ему приковали наручниками к койке. Дегтярев посмотрел ему в лицо – лицо непобежденного.

– Пацаны, которых ты убил, – сказал Сологуб, – были моими бойцами в Афгане. Ты знаешь, что это значит.

– Все могло быть иначе, – ответил Дегтярев. – Жаль, что ты не смог оставить войну за хребтами Гиндукуша.

– Я вырву из тебя душу за моих пацанов.

Больше Сологуб не сказал ничего. Дегтярев понял, что он сказал все, что хотел, и больше ничего не скажет. Он вышел из палаты.

Управление получило приказ передать Сологуба в Москву. Контрабанда оружия и наркотиков квалифицировались как преступления особой тяжести, и заниматься ими должна была Генеральная прокуратура. Подготовив дело для передачи московским следователям, Дегтярев получил отгулы и собрался ехать с семейством в дом отдыха.

Вечером накануне отъезда он купал сына в пластмассовой ванне, поставленной на кухне. Тёмка пускал пузыри от счастья и лупил руками по воде, пытаясь схватить резиновую рыбку, которая тыкала его в пузо.

– Ай молодца, Тёмка. Поймал. Да с тобой уже и на рыбалку ездить можно.

Машка сунула в ванночку желтого резинового утёнка. Она ревновала отца к младшему брату и требовала внимания. Олег поцеловал дочь в макушку. Машка была беленькая и сероглазая – в мать. А Тёмка пошел в отца: темноволосый, кареглазый. Даже не верилось, что они брат и сестра, так они были непохожи.

– Ну все, хватит, – Надя сунула Дегтярёву махровое полотенце. – И так уже весь пол водой залили. Алик, вытри пока Тёмку и дай ему молока.

Зазвонил телефон. Звонок в такое время не предвещал ничего хорошего. Дегтярев подошел к полке, на которой стоял телефон, и снял трубку. Надя с тревогой наблюдала за ним, с нехорошим предчувствием чего-то недоброго.

Лицо Дегтярев вдруг изменилось так, что ей стало страшно.

– Алик, что случилось? – инстинктивно Надя прижала к себе Тёмку и оберегающим движением положила руку на голову Маши.

– Сологуб бежал.

По дороге из аэропорта в Москву машина, перевозившая преступника, попала в аварию. Это не могло быть случайностью. У Сологуба были серьезные покровители еще со времен Афгана.

Дегтярев отправил жену с детьми к армейскому другу на охраняемую базу спецназа и стал ждать Сологуба, надеясь, что тот не станет затягивать с осуществлением своей угрозы. Он был готов преступить закон и прикончить Сологуба, когда бандит объявится. За самосуд и расправу Дегтярев мог сесть, в любом случае его выгнали бы из следственных органов, но другого способа остановить сорвавшегося с цепи убийцу и защитить свою семью у Дегтярева не было.

Сологуб залег где-то на дно, Дегтярев не находил никаких следов его деятельности. Между тем жизнь шла своим чередом, текучка заедала: район был сложный, дня не проходило, чтобы что-нибудь не случилось. С семьей тоже надо было что-то решать. В конце концов Дегтярев вернул семью в Курган, но он постоянно был настороже. Наде было запрещено гулять с детьми в парке, и, кажется, он был готов вообще запретить ей выходить без него из дома. Дегтярев договорился с участковым, что тот будет присматривать за его домом в те ночи, когда он отсутствует. Все это превратило жизнь его семьи в кошмар.

Дегтярев наконец понял, что долго так не выдержат ни он сам, ни Надя. Начальник управления предложил отличный вариант. Его родственники собрались на длительное время за границу. Они были не прочь поселить кого-нибудь на это время в свою квартиру, чтобы не бросать ее без присмотра. Надя вздохнула с облегчением, узнав, что ей с детьми предстоит переезд в подмосковный Королев. Она устала от жизни в осажденной крепости.

Сологуб остановил машину и осмотрелся. Редкие, тусклые фонари едва освещали улицу, застроенную старыми частными домами. Сологуб посмотрел на Фриду.

– Не передумала?

Она ответила вызывающим взглядом и чуть повела бровью.

Сологуб вылез из машины. Фрида тоже вышла и осмотрелась: осторожная и чуткая, как дикая кошка. Сологуб относился к той породе мужчин, которые женщин за людей не считают. Но Фрида с первого взгляда поразила его как удар грома. Точеное смуглое лицо, блестящая грива воронового крыла, черные, сверкающие глаза в обрамлении длинных густых ресниц – никакая тушь тут не требовалась. Хищница. Страстная и жестокая любовница. Никогда Сологуб не взял бы ни одну бабу на то дело, которое задумал в эту ночь. Но Фрида была не такая, как все. Сологуб чувствовал, что судьба связала его с ней навсегда, до смертного часа. И то, что должно было произойти, было, в представлении Сологуба, их кровавой свадьбой. Открыв калитку, Сологуб и Фрида вошли во двор. На крыльце стояла детская коляска. Сологуб достал отмычку и вставил в замок. Дверь тихо открылась. За ней была темнота прихожей и тишина спящего дома.

Сологуб не знал расположения комнат в доме, но он увидел полоску света под одной из дверей и направился туда.

Надя спала поверх покрывала на неразобранной кровати. Рядом с ней свернулась Маша. Они читали перед сном и так и заснули.

Сологуб достал нож и шагнул к кровати. В последнюю минуту Надя почувствовала опасность и открыла глаза. Она не успела даже вскрикнуть. Сологуб зажал ей рот и спокойно, как овце, перерезал горло.

Фрида никогда не видела, как убивают. Но страха не было. Наоборот, какой-то холодный восторг. Она разочаровалась, что все произошло так быстро.

– Мама... – закричала Маша, и крик тут же оборвался.

Сологуб вытер нож о халат Нади и посмотрел на Фриду.

Черные глаза Фриды сверкали диким огнем.

«Вот тварь», – с восхищением подумал Сологуб. Он начал убирать нож, и тут раздался хнычущий звук. Сологуб дернулся.

– Мать твою, забыл про пацаненка.

В углу спальни стояла детская кроватка. Фрида подошла и заглянула внутрь. Ребенок проснулся, но не заплакал. Он смотрел на нее. В глазах у Тёмки было расплывчатое младенческое любопытство, словно он увидел новую игрушку. Это был красивый ребенок, просто очаровательный – розовый со сна, мордочка округлая, кожа шелковистая, нежная, смешные кудряшки.

– Ты кто? Девка или парень? – глаза у Фриды стали, как у кошки, которая наслаждается, играя с мышью.

– Парень, – сказал Сологуб. – Отойди, Фрида.

Фрида вдруг с силой оттолкнула Сологуба и схватила ребенка.

– Фрида, мать твою, что ты делаешь, сука?

– Он мой. Я хочу его.

Ребенок захныкал.

– Рехнулась? Зачем тебе ментовской выблядок?

Фрида чувствовала тепло нежного тельца. Детский запах кружил ей голову. Она начала мурлыкать, подражая пантере Багире, и нежно по-кошачьи мять ребенка, тереться об него лицом. Тёмка перестал хныкать. Он протянул ручку и ухватил Фриду за нос.

– Человеческий детеныш, – замурлыкала Фрида, очень похоже подражая голосу Багиры из мультфильма. – Такой мя-я-ягкий, те-е-еплый. Му-у-у-ур-р-р. Так сладко пахнет.

Сологуб уже протянул руки, чтобы вырвать ребенка у Фриды и прикончить его. Его бесила ее игра со смертью.

– Не смей, – черные глаза Фриды сверкнули так, что даже Сологубу стало не по себе.

– Дура, – рявкнул Сологуб. – Ладно, хочешь поиграть в мамочку – забирай гаденыша, и валим отсюда.

Фрида засмеялась и выскочила из спальни, прижимая к себе свою лакомую добычу.

Когда приехала опергруппа, Олег Дегтярев сидел на полу возле кровати, на которой в крови лежали тела его жены и дочери. Поза у него была такая, словно он упал с большой высоты и у него переломаны все кости. Голова свесилась на грудь. Никто не решился посмотреть ему в лицо.

Глава 1

Фрези

1

– Я умею летать! – Фрези отпустила руль скутера и раскинула руки, как крылья. – Я лечу! Егор поравнялся с ней. Его ужасно пугали такие штучки Фрези.

– Возьмись за руль. Фрези, пожалуйста, возьмись за руль.

– Занудище.

– Не делай так. Я тебя прошу, не делай так больше.

Дорога, узкое двухполосное шоссе, бежало через светлый сосновый лес. Справа между золотисто-коричневыми и оранжевыми стволами сосен мелькало озеро. Парень и девушка на скутерах были одеты в одинаковом стиле Columbia. На обоих были полотняные штаны, перехваченные у щиколоток широкими резинками, кроссовки и куртки. У Фрези под расстегнутой курткой была видна темно-фиолетовая футболка с принтом совы. Ночная охотница летела, раскинув мохнатые крылья. У Егора за спиной висел диджейский рюкзак, у Фрези – кофр с гитарой.

Лесное шоссе сделало крутой поворот. Впереди слева появился указатель придорожного мотеля «Щучья Заводь». Живописная кучка березовых дров под указателем намекала на шашлык. Егор и Фрези завернули на стоянку мотеля. Они поставили скутеры перед двухэтажным деревянным зданием, весь первый этаж которого занимала таверна. Фрези сняла шлем, и Егор повесил его на руль скутера рядом со своим. Ребята были так похожи друг на друга, что могло показаться, что это брат и сестра. Оба высокие, длинноногие, изящные. Светло-русые волосы Фрези сейчас были собраны в хвост. И у Егора тоже часть темно-русых волос была стянута в хвостик. Ребята поднялись на веранду таверны и остановились перед дверью.

На стене у входа висела афиша со стилизованным, но очень похожим портретом Фрези. Девушка с длинными, шелковистыми волосами сидела на высоком барном табурете. Она пела, аккомпанируя себе на гитаре. Фоном служил парусник, прорезающий штормовую волну. «Бегущая по волнам» – было написано на борту парусника. Девушка на афише выглядела нежнее и женственней, чем девочка-пацанка, стоящая сейчас рядом со своим парнем.

– Смотри-ка, – сказал Егор, обнимая Фрези за плечи, – Данко нарисовал афишу. Как обещал.

– Данко здорово рисует.

– Точно. Я бы повесил что-то в таком духе у нас дома.

– Давай украдем афишу.

Егор притянул ее к себе и поцеловал.

– Давай.

Он открыл дверь, и они с Фрези вошли в таверну.

Во двор мотеля въехал темно-зеленый «Ниссан-Террано». Машина объехала главное здание и остановилась у служебного входа. Из «террано» вылезла высокая, довольно полная блондинка лет пятидесяти, одетая в брюки и свободную рубашку мужского покроя. Она открыла багажник, доверху забитый коробками и ящиками с продуктами с оптовой базы. Из служебной двери выскочил невысокий тощий парень. Его досадная тщедушность была особенно заметна на контрасте с обильной, цветущей плотью хозяйки мотеля Ольги.

– Позови кого-нибудь, Данко, пусть помогут, – посоветовала Ольга.

– Сам управлюсь, – Данко решительно ухватился за большую коробку и потащил ее из багажника.

– Ну, сам значит сам, – согласилась Ольга.

Данко взвалил коробку на плечо и понес в таверну.

Данко, художник, нарисовавший афишу для Фрези, работал в «Щучьей Заводи» разнорабочим. Но по вечерам, когда таверна наполнялась гостями – дальнобоями, пацанами из города и просто случайными путешественниками, – Данко становился художником.

На планшете он рисовал портреты фартовых парней и их подруг. Это был его приработок.

Зал таверны был оформлен в рыбацком стиле, что соответствовало ее названию. Мебель деревянная, на окнах занавески в виде сетей, на стенах висели резные, раскрашенные панно с рыбами и одно, самое большое, с русалкой. Фирменные блюда тоже были из рыбы.

Люся сразу увидела Егора и Фрези, как только они вошли в зал. Она прекратила кокетничать с двумя мужиками, которым принесла заказ, и направилась к Егору. Она смотрела только на Егора и заговорила с ним так, словно Фрези рядом не было.

– Приветик, Егор. А мне тут как раз нужна мужская сила. Поможешь притащить кое-что из подсобки?

– Не вопрос.

Егор скинул с плеча рюкзак и отдал его Фрези. Вторая официантка Рита проследила, как Люська зацепила Егора и потащила его в подсобку. Она поздоровалась с Фрези, которая прошла мимо нее в гардеробную. У нее мелькнула мысль посоветовать Фрези присмотреть за своим парнем и не оставлять его наедине с Люськой, но она еще мало знала певицу. К тому же Фрези не отличалась общительностью. Рита решила, что не стоит лезть не в свое дело.

Егор Вереск вошел в подсобку и осмотрелся.

– Ну, давай, показывай, что тебе тут надо?

Люся закрыла дверь, подошла к Егору и обняла его. Притянув его голову, она впиалась ему в губы. Егор схватил Люсю за плечи и оторвал от себя.

– Ты чего? – Егор вытянул руки, отодвигая Люсю от себя.

Люся облизала губы.

– Сладко, – улыбнулась она. – Ты спросил, что мне надо? Вот и ответ – ты.

– Прости, Люся, С этой проблемой я тебе не помогу. Если ты не заметила, у меня есть девушка.

– Девушка? А я думала, это парень с тобой.

– Да пошла ты, – Егор оттолкнул Люсю.

– Ау! Мне больно! – вскрикнула она.

– Черт.

Люся спустила блузку, обнажая плечо и грудь в соблазнительном бюстгальтере. С гримасой притворной боли она гладила свое плечо.

– Смотри, что ты сделал. Теперь синяк будет. А может, ты мне плечо вывихнул, здоровый дурак.

Егор растерянно смотрел на Люсю. Умом он понимал, что она прикидывается, но его мужской инстинкт отозвался на жалобный тон. Вдруг он действительно не рассчитал силу, когда оттолкнул ее? Но тут на лице Люськи, склоненном к голому плечу, появилась двусмысленная ухмылка.

– Любишь причинять боль? Да?..

– Да пошла ты на хер, сучка.

Егор теперь уже действительно грубо оттолкнул Люську, стоящую у него на пути, и вышел из подсобки.

Рита увидела Егора, который промчался через зал в направлении гардеробной и столкнулся с Ольгой.

– Здравствуйте, Ольга Владимировна, – пробормотал он.

Ольга вопросительно взглянула на его злое лицо, растрепанные волосы.

– Там Данко взялся разгружать машину, – сказала она. – Помоги ему.

В «Щучьей Заводи», как на шхуне, команда работала сообща, выполняя всю необходимую работу. Егор и Фрези недавно появились тут. По вечерам Егор работал диджеем, Фрези, сама сочинявшая песни и музыку, пела. Ребята понравились Ольге, и она ничего не имела против того, чтобы они задержались подольше. Она расширила обязанности Егора, доплачивая за работу, не связанную с музыкой. Ему это было только на руку. Нужно было платить за квартиру, которую они с Фрези снимали в городе.

Рита насмешливо посмотрела на Люсю.

– Ну и как? Пошарила у него в штанах?

– Хочешь подробности?

– Да не особо. Просто показалось, что у вас там не сложилось.

– С чего ты взяла?

– Видела, как он выскочил из подсобки встрепанный и злой.

– Потому, что губу раскатал и обломался. Я дала только посмотреть и подержаться.

Теперь у него это из головы не выйдет.

– Зря ты это затеяла. Они пара.

– Да ни разу не пара. Посмотри, как она одевается. И косметикой не пользуется. Какому нормальному парню это понравится?

– Она особый случай. И они с Егором – пара. Даже похожи, как брат и сестра.

– А может, они и правда брат и сестра. Просто скрывают это, чтобы трахаться.

– Почему тебе в голову всегда всякая гадость лезет?

– Ну, трахает он свою сестренку, чего тут такого? Не парня же. Главное, он не пидор. А раз не пидор, я свое возьму.

Рита пожала плечами в знак того, что интрижка Люськи ее не касается, и пошла заниматься делами.

К вечеру, как обычно, набились клиенты. Несколько фур и разнокалиберных грузовиков встали на стоянку. Подтянулись из города завсегдатаи «Заводи» вкусно пожрать, перетереть за дела, поиграть на бильярде и в дартс.

Вереск у диджейского пульта достал из рюкзака панель контролера и наушники. Люська вынырнула из зала. Стерва заглянула ему в глаза ласково и интимно, словно не было ссоры в подсобке и Егор ее парень.

– Что тебе принести? Текила, виски, водка, что ты пьешь?

– Я не пью.

Егор подключил панель контролера к ноутбуку. Пальцы пробежались по клавиатуре, открывая программу.

– Могу принести воду или сок.

– Люся, я работаю. Мне ничего не надо. Спасибо.

– Ну, если что, зови.

Люська отошла от Егора с таким видом, как будто они условились о свидании.

Вереск надел наушники. В освещении диджейского пульта он особенно привлекательно смотрелся: красивый, артистичный парень. Но его изящество и стройность не означали хрупкости. Природа одарила тело Егора отличной мускулатурой. В колледже он занимался дзюдо и даже качался. Но он бросил спорт, когда увлекся музыкой.

Вереск отключил музыку, играющую в зале. В наступившей тишине некоторые головы за столами повернулись к нему. Гул голосов слегка притих, в тишине отчетливо слышались хлесткие удары шаров на бильярде.

– Доброе время суток всем, кто сегодня с нами. Диджей Вереск. Ну что, народ, погнали!

Егор пустил первый трек. Он не умел сочинять музыку, но у него был дар, необходимый диджею: он интересно компоновал, понимал запросы аудитории и, когда было надо, импозантно смотрелся за пультом.

В отличие от Егора, Фрези не обладала никакими хозяйственными навыками. Она приезжала в «Щучью Заводь» вместе с ним, а так как до вечера ей делать было нечего, садилась со своей гитарой и блокнотом где-нибудь в тихом уголке зала или на веранде. По мнению практичных девушек вроде Люси и Риты, она была не от мира сего и много о себе мнила. Чтобы они там ни думали, Фрези ничего о себе не мнила. Ее жизнь была не напряжена и естественна, как жизнь птиц: из всех живых существ Фрези больше всего любила птиц, почему-то особенно сов.

Людам, которые плохо ее знали, Фрези казалась замкнутой и необщительной, пожалуй, даже высокомерной. Она действительно была сосредоточена на себе, на той работе, которая постоянно происходила в ее внутреннем пространстве, и обычное, банальное общение, легкий, забавный треп ни о чем были для нее проблемой. Из всего персонала «Щучьей Заводи» Фрези отличала только Данко.

Оригинальный парень. Ей нравилось, что он такой некрасивый, тощий и нескладный. В этом была особая порода какая-то. Фрези завораживали глаза Данко – раскосые, с лисьим разрезом и... разноцветные. В основном, зеленовато-сером цвете радужки были вкрапления карего. Словно природа так и не смогла определиться с тем, какими будут глаза Данко.

Рисовал Данко на планшете, и если клиенту все нравилось, распечатывал рисунок на принтере.

– Вау, это здорово, – сказала Фрези, рассматривая только что отпечатанный портрет. – А почему ты на планшете рисуешь, а не на бумаге? Я тоже немного рисую. Мне так нравится чувствовать, как карандаш идет по бумаге.

– На планшете легче поправить, если клиенту не нравится. Для себя, по-настоящему, я рисую на бумаге.

– А можно посмотреть, что ты рисуешь для себя?

– Тебе действительно интересно?

– Очень.

Раскосые, разноцветные глаза смотрели на Фрези, как из норы: так Дикий Лис смотрел на Принца, надеясь, что его приручат. Фрези Данко нравилась, но дикий и пугливый, как Лис, он боялся ошибиться.

– У тебя с собой есть те рисунки для себя?

– Кое-что есть на планшете.

– Покажи.

Данко открыл папку с рисунками.

– Только не говори, что я шизанутый.

По заказам клиентов Данко рисовал точные, реалистичные портреты, то, что Фрези видела, нравилось ей, но не поражало. Она считала, что Данко хороший рисовальщик и у него дар портретиста. Но реализм никогда особо не интересовал ее. Фрези привлекал сам Данко и его разноцветные глаза. Любопытно было заглянуть в этот домик и посмотреть, кто живет за пестрыми витражными окнами.

– Вот черт! – вырвалось у Фрези, когда она увидела отличную графику в стиле фэнтези.

– Я предупреждал, – нервно усмехнулся Данко. – Понимаешь, я не такой художник, как ты, наверное, думала. Я... шизанутый рисовальщик комиксов.

– Ты не понял, Данко. «Черт» – значит здорово! А почему волк?

– Гордый, свободный. Благородный хищник. Охотник.

Героем рисунков, скомпонованных на странице в эпизод сюжета, как это делается в комиксах, был ликантроп, человек-волк: обнаженное, мускулистое тело в хламиде из волчьего меха, высокие скулы, точеный подбородок, золотисто-карие глаза. И клыки!

Фрези засмеялась.

– Клыки смотрятся очень сексуально. Трахнет, а потом сожрет. Умрешь счастливым.

– Интересная идея. Нет, он не по этой части. Сама увидишь. Я тебя с ним познакомлю. «С ликантропом? Офигеть. Он крези».

– Я рисовал с реального парня, – угадал ее мысль Данко. – Артём Дегтярев. Он иногда появляется у нас. Вот, смотри.

Данко открыл другую папку. Здесь были совершенно реалистичные зарисовки темно-волосого парня, сидящего у стойки бара. Черные джинсы, оливковая футболка, мешковатая куртка, тоже черная. Красивый. Но если в нем и было что-то от героя комикса, то только некий шарм криминала.

– Он тоже заказал тебе портрет?

– Нет, мне не надо ни заказа, ни разрешения. Я могу сидеть где-нибудь в уголке тихо, как паук, и рисовать. А, кроме того, у меня фотографическая память. Закрываю глаза и вижу то, что хочу в мельчайших подробностях.

– Интересно. А вот Егора ты рисовал?

– Нет.

– Прости. Это был глупый вопрос.

– Совсем не глупый.

Данко не хотел обижать Фрези – удивительную девушку, сочинявшую песни, которые ему так нравилось слушать. Он попытался объяснить.

– Фишка в том, что Дегтярев – персонаж неоднозначный. Сложный. В нем всякого намешено. А твой Егор... он типа как Люк Скайвокер. Никогда не перейдет на темную сторону.

– Я понимаю, о чем ты. Из Егора волка-оборотня не сделаешь. Он простой, но он хороший. Ну ладно, мне пора. Надо еще успеть переодеться.

Фрези пошла к выходу. Данко подумал, что все-таки она обиделась из-за своего парня. На пороге Фрези обернулась.

– Мне понравился... Не тот бандит в баре, а этот твой Волк. Мы еще поговорим, ладно?

– Ладно.

2

Крокодил 05

«Самое прекрасное время для езды – ночь. Машин на дороге мало, можно втопить педаль акселератора, слушать любимую музыку, перекусывать в уютных придорожных кафешках. Ехать всю ночь напролет, а утром остановиться и встретить рассвет.

...А секс ночью на обочине. Ты лежишь в луже под машиной, весь промок и крутишь, вертишь злоебучие гайки. Ну разве может что быть лучше этого?..» (Запись Артема Дегтярева ВКонтакте.)

Крокодил редко подводил Дегтярева. Машина старая, и чтобы она была в порядке, за ней надо следить. Артём с удовольствием этим занимался. Обычно, если случалось что-то серьезное, Крокодил дотягивал до места, где с проблемой можно было справиться. Но не в этот раз.

Секс на обочине со всеми его прелестями. Артём дотянул последнюю гайку и вылез из-под машины. Лил дождь. Залезая под машину, Артём подстелил кусок брезента, но все равно он промок до нитки и вымазался. Нормально. Горячий секс всегда грязный. Артём собрал ключи и монтажки, тщательно вытер и сложил в сумку. Если бы Фрези сейчас увидела его, она не нашла бы в нем ничего от мистического Волка с рисунков Данко. Просто грязный, насквозь промокший парень. Артём рассчитывал, что где-то дальше на дороге найдет себе пристанище на ночь. Он решил не переодеваться, просто застелил полиэтиленом водительское сиденье. Вырулил на дорогу и погнал.

Как обычно во время ночного дежурства Роза шарилась на сайте знакомств. Недавно она нашла одного привлекательного парня и вступила с ним в «отношения». Но подруга, позавидовавшая ее удаче, пробила красавчика в «поиск по фотографии». Оказалось, парень прислал Розе фотографии модели с немецкого гей-сайта. Послав обманщика в известном направлении, Роза пребывала в растрепанных чувствах. Жизнь – дерьмо. Задрипанная гостиница, в которой она торчит за стойкой администратора, – полный отстой.

Роза услышала, как открылась входная дверь. «Вот ведь, принесло кого-то». Девушка оторвала взгляд от экрана компьютера. Пока ночной странник шел от двери к стойке, она успела его оценить. Молодой, выше среднего роста, стройный, темноволосый.

Артём положил на стойку паспорт.

– Привет.

«Улыбка у него отпад», – подумала Роза. Она выразительно посмотрела на его мокрую футболку.

– Привет. Я смотрю, трудная выдалась ночка?

Артём вопросительно взглянул на нее, потом сообразил, что она имеет в виду его грязную одежду.

– Машина сломалась. Засуньте меня куда-нибудь до утра. Мне много не надо. Койка и душ.

Пока Артём заполнял анкету, Роза успела хорошо рассмотреть его. При ближайшем рассмотрении он показался еще интересней: красивая морда, мокрая футболка прилипла и обрисовывает крепкую мускулатуру под ней. Тело Розы начало источать феромоны. Сенсоры Артёма уловили сигнал. Отдавая анкету, он посмотрел девушке прямо в глаза. «Подруга, ты мне тоже нравишься», – выразил взгляд золотисто карих глаз. Роза положила на стойку ключ.

– Номер на втором этаже, – сказала она. – Душ в конце коридора.

– Спасибо.

Артём взял ключ и направился к лестнице на второй этаж. Девушка оценивающе смотрела ему в след. Ноги длинные, задница поджарая, походка упругая. Роза открыла его паспорт. Артём Дегтярев, 26 лет.

Душевая, как обычно в таких местах, имела спартанский вид. Но тут было чисто. Артём вытащил из сумки все, что ему было необходимо, чтобы привести себя в порядок: чистая одежда, белье, полотенце, несессер, шлепанцы. Он помнил взгляд девушки за стойкой и подумал, что, может, прежде чем заваливаться в койку, поинтересоваться, не обломиться ли ему что-нибудь посущественней нежного взгляда. Артём стянул с себя грязную футболку и начал расстегивать ремень на джинсах. Он не слышал, как открылась дверь, но его внутренний радар, всегда контролирующий окружающее пространство, засек вторжение. Артём обернулся. Девушка стояла на пороге душевой.

– Я тут подумала... В общем, ты можешь отдать мне грязную одежду. Я брошу все в стирку. К утру будет готово.

– Спасибо. Это... да, пожалуй, это было бы здорово.

Роза продолжала смотреть на него. Ночной странник обладал каким-то животным магнетизмом, ее непреодолимо тянуло к нему. И это был настоящий, живой парень, из плоти и крови, а не черт знает кто из Сети. Роза шагнула ближе, потом еще ближе. Потом ухватила за расстегнутый ремень джинсов и потянула к себе. От этого движения в штанах вспыхнул и начал разгораться пожар. Артём положил руки ей на бедра.

– Плохой мальчик... – прошептала Роза, – мокрый, грязный... Воняешь бензином.

– Надо было подождать, пока помоюсь.

– А мне так нравится.

Руки Розы уже были в жестких, коротких волосах у него на затылке. Артём очень близко видел ее лицо. Она смотрела на его губы.

– Уверена? – спросил Артём.

Роза впиалась ему в губы. «Ну, раз так значит так», – в сумке валялась пачка презервативов. Как раз купил на автозаправке. Секс под горячим душем – то, что надо после секса на обочине. Артём перехватил инициативу.

3

Фрези пела.

Она сидела на сцене на высоком барном табурете, склонившись над гитарой. Перед ней стоял «журавлик» – стойка с микрофоном. Она сменила полотняные брюки на длинную юбку из тонкой материи в мелкий цветочек и легкую блузку. Шелковистые пряди светлых волос стекали по открытым плечам и спине.

Народ в зале продолжал выпивать, есть, обсуждать свои дела, но голоса звучали приглушенно и глаза следили за девушкой на сцене.

Для Егора Вереска это были самые волнующие, самые упоительные мгновения. Он слышал в наушниках голос Фрези, прекрасной девушки, в которой была сосредоточена вся его жизнь. Тонкий кабель, соединяющий ее гитару с его пультом, как нерв, соединял его с ней. Это ощущение было буквально на кончиках пальцев, его пальцев, касающихся фэйдеров на панели, когда он доводил в нужных местах звук гитары. В эти мгновения он был уверен, что нужен Фрези так же, как она ему.

Таверна обычно работала до трех часов. Выпроводив последних клиентов, персонал принимался за уборку. Фрези переоделась и устроилась на веранде со стаканом грейпфрутового сока, разбавленного минералкой. К четверем уже совсем рассвело. Егор и Фрези оседлали свои скутеры и выехали на дорогу.

Лесная дорога была еще свободна. Они ехали рядом, и Егор мог смотреть на изящный профиль Фрези в обрамлении шлема. Кофр с гитарой у нее за спиной был как зачехленные крылья.

Данко проснулся в середине дня. Съел завтрак, оставленный для него на кухне, и поднялся к себе в мастерскую. Вся мансарда принадлежала ему. Мама и сестра знали, что сюда нельзя вторгаться без разрешения. Окно в старинной тяжелой раме выходило на фасад дома. Света оно давало мало, в глубине мастерской даже в яркие, солнечные дни царил полумрак. Данко это нравилось. Для графики естественный свет не нужен. Над большим рабочим столом висела лампа.

Данко разложил на столе наброски, которые сделал вчера с Фрези. У нее были выразительно и нежно очерченные скулы. Глаза небольшие, но чувственного, удлиненного разреза. Длинные ресницы коричневые, она не мазала их тушью. Радужки зеленые, с расходящимися от зрачков золотистыми лучиками. Данко хорошо рассмотрел их, когда разговаривал с Фрези.

Появление Фрези стало для Данко таким же событием, как раньше появление загадочного странника Артёма Дегтярева. Тогда он просто с ума сошел. Рисовал и рисовал этого парня, пока он не начал обретать фантастические черты Волка, больше или меньше утрачивая человеческий облик, но сохраняя связь со своим прототипом. Героя Данко создал. Теперь он должен создать мир для него, пространство для действия. Идею и сюжет комикса.

Данко читал много мифологической литературы. Сестра Ася приносила ему старинные, мало кому доступные книги из библиотеки музея, распложенного в бывшей барской усадьбе текстильного мануфактурщика Струговщикова. Сюжеты некоторых мифов Данко уже использовал для других комиксов. Но Волк не хотел принимать чужую личину. Данко должен был создать для него его мир и сплести его судьбу. И вот появилась Фрези. Может, она станет подругой Волку? Или их сведет любовь-война, и ни один не поступится свободой и гордостью.

Может, так? А может, нет... Данко не знал, как все будет. Сначала он должен создать деву-воина, не разрушая ее сущности.

Данко начал рисовать. Он работал до вечера, услышал, как вернулись с работы мама и сестра, но не спустился из мансарды. Фрези не стала волчицей. Хотя у нее тоже были высокие волчьи скулы и хищные повадки. Но она была другой хищницей, осторожной и мудрой, носительницей запретных тайн. И она была крылата.

Нарисовав крыло, Данко все понял. Он вспомнил сову на футболке Фрези и понял, что героиня не станет подругой Волку. У нее будет другая судьба.

Но она дева-воин с мощными, бесшумными крыльями со смертоносными перьями, острыми краями которых можно наносить глубокие рассекающие раны, как тэссэном – японским боевым веером. Данко чувствовал, что ее история уже началась где-то в пространстве его воображения.

Егор разбудил Фрези поцелуем. Она приоткрыла свои чудесные зеленые глаза и посмотрела из-под по-детски припухших со сна век. Егор любил ловить этот ее первый взгляд, еще затуманенный тенями снов. Фрези терпеть не могла ночные рубашки и приучила Егора спать обнаженными. Егор поцеловал Фрези за ушком. Она издала нежный стон. Он стал спускаться поцелуями по шее к груди. Ее тело было приятно прохладным и упруго твердым. Идеальное, сильное тело. В Древней Греции она могла бы стать прелестной гетерой – музыкантшей, плясуньей и любовницей. Секс был для нее таким же полем для творчества, игры и счастья, как и музыка.

Егор и Фрези занимались любовью, пока томное изнеможение не погрузило их в легкий сон. Егор Вереск проснулся первым, осторожно освободился из объятия Фрези, укрыл ее обнаженное тело одеялом и пошел в душ. Дома тоже хозяйством занимал Егор. Его ничуть не раздражало равнодушие Фрези к быту. Даже нравилось, потому что соответствовало его представлению о ее исключительности. Готовить Егор бы ей по-любому не позволил. Готовил он сам и готовил профессионально, окончив в свое время кулинарный колледж. Дело в том, что мама Егора была когда-то шефом в хорошем ресторане, затем в череде ресторанов похуже, которые становились все хуже и хуже по мере того, как ее постигали очередные неудачи в личной жизни и с ней происходило то, что обычно происходит с женщинами в таких случаях. Особенно когда под рукой имеется неограниченное количество алкоголя.

В ожидании, когда проснется Фрези, Егор открыл ноутбук. Он решил прикинуть, что он может сегодня сделать для осуществления своего Великого Стратегического Плана. Разумеется, его план был связан с Фрези. С ней и только с ней. Егор решил, что должен сделать из нее настоящую звезду, стать ее продюсером. Но для этого у него не было ни связей, ни специальных знаний. Вереск нашел в Москве гуманитарный университет, который готовил по специальности «продюсер шоу-бизнеса», и теперь боролся с проблемами, возникшими при заполнении анкеты. Его отвлек звонок телефона.

Звонила хозяйка «Щучьей Заводи».

– Здравствуйте, Ольга Владимировна, – ответил Вереск.

– Егор, я знаю, что у тебя сегодня выходной, – сказала Ольга. – Но тут такое дело, у Ашота там кто-то из домашних заболел. Его надо подменить. Я прошу тебя поработать сегодня в баре.

– Хорошо, Ольга Владимировна. Сейчас приеду.

Егор отправился будить Фрези.

– Вставай, соня. Завтрак готов.

– Свари мне кофе.

– Фигушки. Сначала поешь. Ольга звонила, попросила меня подменить сегодня Ашота в баре.

– Смотрю, ты у нее прямо на все руки мастер.

– Справлюсь.

На кухне Фрези увидела открытый ноутбук и заглянула в него.

– Что у тебя тут? Анкета гуманитарного университета? Ты собираешься в университет? Серьезно?

Вереск решил, что сейчас подходящий момент, чтобы посвятить Фрези в свой план.

– Да. На отделение продюсеров шоу-бизнеса.

Фрези уставилась на Егора так, словно в первый раз его увидела.

– И?...

– Единственная звезда, продюсером которой я хочу быть, – ты.

Егор убрал ноутбук и поставил перед Фрези тарелку с завтраком.

– Малыш, я буду рыть для тебя, как бульдозер. У тебя будут концерты в больших залах, альбомы. Развороты в чертовых глянцевых журналах.

Не притрагиваясь к еде, Фрези смотрела на Егора. С сожалением. У нее возникло неприятное ощущение, что вот сейчас она очень, очень сильно разочарует его. Все было так хорошо, и вдруг ему пришла в голову бредовая идея подарить ей что-то слишком дорогое и ненужное.

Такого выражения в глазах Фрези Егор никогда не видел. Он испугался.

– Что?.. Почему ты на меня так смотришь?

– Егор, не заморачивайся. У меня нет никакого желания звездить. Мне ничего такого не надо. У меня есть ты и гитара, и я счастлива.

– Нет, – уперся Егор. – Так нельзя. Ты погубишь свой талант, если будешь и дальше петь в дешевых клубах и придорожных заведениях. Неужели ты не хочешь, чтобы у тебя были настоящие концерты, чтобы твои песни крутили на радиостанциях?

– Знаешь, что я хочу?

– Что?

– Оставаться самой собой. Не лезть вон из кожи, чтобы всем нравиться. Я не умею и не хочу продавать себя. А то, о чем ты говоришь, – это оно самое.

– Но надо же думать о будущем. Мы не всегда будем такими, как сейчас.

– Ну и что? Мне нравится сочинять, когда сочиняется, не сочинять, когда не идет. Трахаться с тобой сколько хочется. Просто сидеть на балконе и смотреть на звезды. И когда я не смогу всего этого делать или станет не по кайфу, пусть будет что будет.

Егор молчал, упрямо нагнув голову.

– Удали анкету, – Фрези вопросительно посмотрела на него. – А может, у тебя есть свои планы? Тогда...

– У меня нет планов без тебя. И мне уже надо ехать в «Заводь». Ты как? Останешься дома? Отдохнешь, поработаешь?

– Я поеду с тобой.

Фрези взялась за вилку, но Егор забрал у нее тарелку.

– Что такое? – возмутилась она. – Решил не кормить меня, раз я не хочу быть звездой?

– Все уже остыло. Поешь в «Заводи».

4.

Посетителей в этот вечер было средне, ни много, ни мало. Как обычно. Несколько компаний сидели за столиками в зале. Бильярдный стол по вечерам никогда не простаивал. На зеленом поле орудовал Костя, работавший в таверне вышибалой и заодно маркером. Люся разносила еду и выпивку, скрывая скуку. Вечер, похоже, не сулил ничего интересного. У нее появились кое-какие надежды, когда она узнала, что хозяйка вызвала Егора на замену Ашоту. Но он приехал вместе с Фрези. Впрочем, певичка не мешала Люсе сверкать перед Егором своими прелестями.

У стойки сидели два дальнбоя, зашедшие выпить перед тем, как завалится спать в своих трейлерах. Третий мужик заказал вторую порцию водки и подмигнул проститутке, сидевшей с подругой в дальнем конце стойки. Девочка подседа к клиенту, и он заказал ей виски с колой. Прискакала Люська с заказом от бильярдистов. Разливая напитки, Егор заметил, что к стойке подсел очередной клиент. Обслужив Люську, Егор направился к нему.

Парень достал из кармана черной куртки смартфон и углубился в просмотр сообщений. Егор остановился перед ним, ожидая заказ. Придурок сидел, уткнувшись в свой смартфон.

– Что будем заказывать? – спросил Егор, сдерживая раздражение.

Парень поднял голову, и Егора неприятно поразила его дерзкая красота. Он был как актер в роли action hero.

– Эм-м... да, шеф... кофе.

Тупость этого типа раздражала даже больше его киношной красоты. Он продолжал заниматься своей перепиской.

– Что? – спросил Дегтярев, заметив, что бармен продолжает стоять перед ним.

– Какой кофе? Кофе бывает разный.

– Блин, да без разницы. Черный, крепкий.

Артём почувствовал раздражение Егора. Его взгляд сфокусировался. Глаза встретились, между парнями проскочила искра взаимного раздражения.

Егор пошел к кофеварке. Артём выключил смартфон, но оставил его лежать на стойке.

– Артём.

Дегтярев обернулся. К нему подошел Данко.

– Здорово, Данко, – Артём протянул руку, и они обменялись рукопожатием. – Ты-то мне и нужен. Садись.

Данко сел рядом с Дегтяревым и положил на стойку свой планшет. Егор подошел и поставил перед Артёмом чашку с кофе. Артём жестом попросил его задержаться.

– Выпьешь со мной? – спросил он Данко. – Я угощаю.

– С удовольствием. А можно я тебя угощу?

– Можно. Но в другой раз, – Дегтярев перевел взгляд на Егора. В его зрачках мерцали ядовитые огоньки. – Тут вот шеф переживает из-за чаевых.

Будь его воля, Егор дал бы ему в морду. Но сейчас, когда он стоял за стойкой, это было исключено. Мало ли придурков встретит бармен за вечер, и всех придется обслужить.

– Я жду звонок, – сказал Дегтярев Данко. – Возможно, мне придется ехать, так что я не могу позволить себе никакой серьезной выпивки. Но шеф получит свои чаевые. Что ты будешь пить?

– Егор, принеси мне, пожалуйста, пива, – улыбнулся Данко.

Егор отправился выполнять заказ. «Козел», – прошипел он про себя.

– Егор – хороший парень, – сказал Данко. Его огорчило, что два человека, которые ему нравились, поцапались.

– Ну, значит, я плохой, – усмехнулся Артём. – Слушай, Данко, хочу спросить тебя кое о чем. Не захочешь отвечать, дело твое. Нет так нет. Никаких проблем. О'кей?

– О'кей.

Эля, проститутка, которую третий мужик снял в баре, выскочила на автостоянку, пока он оформлял номер. Похоже, ей светило хорошо заработать. Надо было подзарядиться. Она шла между машин, высматривая в темноте Ништяк – мерзкую тетку, продававшую девочкам «таблетки любви» и косяки дальнбоям. Эля услышала еле различимый звук, словно кошка фыркнула, она юркнула в темный проход между трейлером и забором. Высокие тонкие каблукы противно проваливались в землю.

Никто из девочек никогда не видел Ништяк во всех подробностях. Да и не очень-то и хотелось. Это было мерзкое и жуткое существо. Лицо алкашки, космы ведьмы. Тряпье, намотанное на тощее тело, как куча дряни с помойки. И воняло от нее так же, как от помойки.

– Ништяк, ты здесь? – позвала Эля.

Торговка дурью возникла из темноты, как какая-нибудь нечисть, каковой она, в сущности, и была.

– Что надо, девонька?

– Сама знаешь, – Эля брезговала приближаться к Ништяк.

Ништяк запустила костлявую лапку в недра своего тряпья и вытащила малюсенький фунтик, скрученный из кусочка пленки. Эля передернуло при мысли о том, где прятала Ништяк этот фунтик. Но она сунула в лапу твари приготовленные заранее деньги и получила фунтик. Он был омерзительно теплый.

Егор надеялся, что Дегтярев выпьет свой кофе и уберется куда-нибудь. Но он, судя по всему, закорился у стойки надолго. Сначала они с Данко тихо говорили о чем-то. Потом Данко начал рисовать. Егор, естественно, решил, что красавчик заказал Данко портрет. Наверняка он в восторге от своей морды. Если бы Егор увидел рисунок Данко, он бы понял, что его презрение пробило мимо цели.

Лицо на экране планшета не имело ничего общего с лицом Дегтярева. Худое, длинное лицо с кривоватым ртом принадлежало человеку лет тридцати. Самой выразительной его подробностью был нос – длинный, горбатый. Возможно, Данко несколько перестарался, нарисовав карикатуру на нос индейца.

– Вот, – Данко передал планшет Дегтяреву. – Слышал вроде, его кличка Команч.

– Надо же. С чего вдруг?

– Из-за носа, – уточнил Данко.

Дегтярев коротко глянул на Данко.

– Да ты что? Так гребаного ублюдка реально опознать по твоему портрету? – спросил он.

– Не сомневайся.

– Уверен? Ты же его пару раз всего видел.

– Артём, у меня фотографическая память.

Артём вернул планшет Данко.

– Перекинь мне этот шедевр.

Дегтярев заказал еще кофе и сэндвич. Он остался сидеть в баре, ожидая звонок или сообщение, которое заставило бы его сняться с места. Он дернулся, когда смартфон просигналил о полученном сообщении. Но это было послание от Данко – портрет Команча.

Вынужденный сидеть и ждать в бездействии, Дегтярев погрузился в размышления о своих делах. И судя по тому, каким угрюмым и злым стало его лицо, дела эти не сулили ничего хорошего. Егор больше не подходил к нему. Но что-то заставляло его держать Дегтярева в поле зрения. Реакция Егора на него была слишком напряженной. Егор сам не понимал, что, собственно, его так завело.

Раз уж Егор вышел на работу в свой выходной, Фрези решила, что тоже должна поработать. Она вышла на сцену и села на высокий барный стул, поднимавший ее над залом. Пальцы пробежали по струнам гитары. Музыка незаметно и мягко начала вплетаться в гул голосов, деловые разговоры, стук бильярдных шаров. Потом возник голос.

Если бы Артём действительно был тем Волком, каким рисовал его Данко, сейчас его уши встали бы торчком, улавливая голос певицы. Угрюмость и злость исчезли. Волк вылез из своего логова и с удивлением посмотрел – что за диво нарисовалось в обозримом пространстве.

Артём увидел девушку, которая ему сразу понравилась. Изящная и тонкая, но при этом не тощая, как девицы страдающие анорексией. В ее теле чувствовалась сила и жажда жизни, а

в голосе звучали волнующие обертоны сильных чувств, позволяющие вести небанальную тему. Артём осмотрел зал, отыскивая Данко. Он хотел спросить художника, кто эта девушка. Но Данко в зале не было.

Он распечатывал портрет на принтере, который стоял в «предбаннике» перед кабинетом Ольги. Данко не заметил, как к нему подкралась Люся, и вздрогнул от неожиданности, когда она выхватила рисунок из принтера прямо у него из-под руки. Люся с презрением посмотрела на портрет симпатичной девушки.

– А-а-а, вот кто у нас тут, – ухмыльнулась она. – Эта шлюшка со своим кабаном сидят за моим столиком.

– Ну, чувак заказал портрет своей девушки.

– Деву-у-у-шки... Не смейся. Подцепил плечевую на трассе.

Люся сунула рисунок Данко, при этом помяв его. Демонстративно вздохнув, Данко нажал на принтере клавишу повтора. Испорченный рисунок он порвал и бросил в корзину. Люся игриво посмотрела на Данко.

– Данко, а почему ты меня никогда не рисуешь?

– Ты не просила.

– Не на заказ. Просто так ты не хочешь нарисовать меня?

– Нет.

– Ты рисуешь только за деньги?

– Тебе не понравится, если я нарисую тебя, как вижу.

Люся приняла соблазнительную позу.

– А как ты меня видишь? Голой?

– Нет. Такой. – Данко спародировал сексуальные, провоцирующие движения Люси. – Я та-а-а-кая классная. Меня все хотят. Чувак, ты следующий.

– Придурок! – взбеленилась Люся. – На себя посмотри. Урод. С тобой ни одна трахаться не захочет.

Люся выскочила из офиса. Ее каблуки выдавали стаккато, пока она мчалась по коридору в зал. Оскорбление особо не задело Данко. Оно не соответствовало действительности.

У Данко были девушки. Но секс разочаровал его. Обманул его ожидания. Он испытывал облегчение, но не более чем если сделал бы все сам. Данко отталкивала заурядность и примитивность этого действия. Его глаз рисовальщика хватал и надолго запоминал какие-то коровьи детали вроде подозрительного пятнышка на трусиках. Но хуже всего было чувство вины и стыда за то, что похоть взяла верх над интеллектом, унизила его воображение. После секса огонь фантазии и созидания притухал, тускнел. Все, что выходило из-под его карандаша в такое время, было мертво и не стоило потраченного времени. Его выводили из себя нудные и навязчивые усилия девиц после перепихона втянуть его в какие-то совершенно неинтересные и ненужные ему отношения. Данко сам отказался от секса.

Вернувшись в зал, Данко отдал клиенту рисунок и получил деньги. Он дорожил холодно-ватым и сдержанным дружелюбием Дегтярева, поэтому никогда не навязывал ему свое общество. Но сегодня он явно был у своего кумира в фаворе. Сначала Артём попросил нарисовать портрет подонка, попытавшегося организовать в «Щучьей Заводи» точку сбыта наркотиков, но быстро изгнанного Ольгой. И вот теперь он снова подошел к Данко.

– Что за диво в вашем гадюшнике? – спросил Артём, показав на Фрези.

– Это Фрези.

– А в реале, как ее зовут?

– Не знаю. Мне как-то в голову не приходило спрашивать.

– А, ну да, – сказал Артём, сообразив, что и Данко в реале зовут не Данко. – Тогда познакомь меня с ней, скажи, что я Хан Соло. Я отменю на сегодня сухой закон, если она согласится выпить со мной.

– На счет выпивки и прочего не советую. У нее тут парень.

– Да у меня и в мыслях не было ничего такого.

Данко изобразил сомнение: «Да неужели?»

Сегодня у Фрези не было настроения, она быстро закончила выступление и спустилась со сцены.

– Фрези, подожди, – Данко остановил ее, когда она направилась в гардеробную. – Помнишь, я обещал познакомить тебя с одним парнем. Вот, это Артём.

Фрези посмотрела на Артёма. Она узнала персонаж с рисунков Данко.

– Волк.

– О как! А я думал, что я Хан Соло... До того, как его охотула принцесса Лея.

От внимания Люси не ускользнуло знакомство Фрези с Дегтяревым. Она проследила, как они сели за столик. К сожалению, этот столик обслуживала другая официантка, и у Люси не было предлога подойти к ним. Но она прошла мимо и подслушала, как Дегтярев начал «пороть Фрези мозги».

– У меня есть диск, – сказал Артём. – Один парень подарил. Тебе надо послушать.

– Давай. Здесь можно прокатать диск.

– Это надо слушать в машине. Дорога. Звездное небо над головой.

– Ух ты! Сразу так?

– Можно просто послушать в машине.

Артём понравился Фрези. Возможно, фантазии Данко добавили ему притягательности. Но с ним интересно было флиртовать, интересно было посмотреть, как он поведет себя дальше. При этом Фрези чувствовала себя в полной безопасности. Она любила Егора и не зашла бы слишком далеко в игре с парнем, которого видела впервые. Ничего плохого не было в том, чтобы просто посидеть с ним в машине и послушать музыку.

Люся проследила, как Фрези и Дегтярев вышли из зала. Она посмотрела, видел ли это Егор. Нет, он не видел. К бару подвалила большая, шумная компания парней с подругами. На лице Люси появилась торжествующая ухмылка. Она увидела возможность сделать ход в игре и не собиралась ее упускать.

На автостоянке был запаркован черный «ранглер».

– Соло и его звездолет. Вдвоем против всего мира, – улыбнулась Фрези.

– Именно так. А ты умница. Понимаешь. Это мой Крокодил. Я его от живодерни спас.

– Как это?

– Его разбили и везли на свалку. Там из него выдрали бы все внутренности и пустили под пресс. Я его купил и восстановил.

– Ты умеешь ремонтировать машины?

– Я много чего умею, – Артём открыл дверь «ранглера». – Запрыгивай.

Люся подождала, пока Егор обслужит компанию и в разлив пива наступит временное затишье. Люся подошла к стойке.

– Смотри, не проворонь свое счастье, – сказала она.

Егор вопросительно посмотрел на Люсю.

– Там твоя Фрези отправилась куда-то с одним мутным чуваком.

– Каким чуваком?

Люся кокетливо повела бровью.

– Красавчик, просто зверь, бандит.

Почему-то Вереск сразу понял, о ком идет речь. Он видел лицо этого типа, когда тот был сосредоточен на своих мыслях – угрюмое, жесткое, злое.

Вереск выскочил из-за стойки, оттолкнул Люсю и бросился к двери.

– Полегче, – крикнула вслед Люся. Ее жестоко задело равнодушие, с каким Егор оттолкнул ее.

Фрези насмешливо наблюдала, как Артём роется в стоящей у него на коленях коробке с дисками. Она заметила, что в основном это были аудиокниги.

– Куда делся этот диск? Сейчас...

– А это не твои, случаем, песни? – предположила Фрези.

– Нет. С моим голосом только петь.

Голос у него действительно был подсаженный, хрипловатый.

– А что у тебя с голосом?

– Да ничего. Пивка холодного глотнул.

Не стоило говорить этой девочке, что у него были сорваны связки. И уж тем более он не стал бы рассказывать, при каких обстоятельствах это произошло.

– ... А вот, – Артём вытащил из коробки диск и потянулся, чтобы вставить его в магнито-толу.

Вереск выскочил из таверны, осмотрел стоянку, он увидел черный джип. Водительская дверь была открыта, за рулем сидел тот тип из бара. Он потянулся, как показалось Вереску, чтобы завести двигатель. Егор бросился к «ранглеру», сгреб Дегтярева и выкинул из машины. Диски из коробки, стоявшей на коленях Артёма, разлетелись по земле.

Вылетев из машины, Дегтярев тут же в темп перекатился и вскочил на ноги. Двигался он очень быстро. Еще не до конца распрямившись, он бросился на Егора и всем своим корпусом впечатал его в борт «ранглера».

– Охренел, придурок?

Удар вышиб из Егора дух. Он не мог вздохнуть, не мог сопротивляться. Только видел перед собой дикую, бешеную морду бандита.

– Я тебя сейчас порву.

Фрези выпрыгнула из машины. В один миг она оказалась рядом парнями и вцепилась в руку Дегтярева, прижимающую Егора к машине.

– Отпусти! – заорала Фрези.

Артём повернул к Фрези голову и тут же получил удар по лицу. Ногтями. На скуле и щеке появились кровавые царапины.

– Отпусти моего парня.

– Это твой парень?

Артём ослабил хватку. Егор отбросил его от себя и даже успел врезать пару раз.

Народ вывалил из таверны посмотреть на драку. Люська с самодовольным злорадством наблюдала за разборкой Егора и Дегтярева, при этом она боковым зрением отслеживала хозяйку, готовая юркнуть обратно в зал, если появится Ольга.

Данко был в шоке. Он никак не ожидал, что знакомство Дегтярева с Фрези так обернется.

– Хватит! Я сказала хватит, идиоты! – заорала Фрези во всю силу своего голоса. От злости она даже топнула ногой.

И это подействовало.

Артём развел руки, показывая, что продолжать махач не собирается. Он улыбнулся Фрези. Верхняя губа вздернулась, обнажив крепкие зубы и да – клыки у него действительно были четко обозначены, хотя им было далеко до рисунков Данко.

– Все хорошо, подруга, – сказал Дегтярев. – Просто спорт, немного мальчуковой мелодрамы и никакой крови.

Егор подошел к Фрези и обнял ее за плечи.

– Береги ее, – сказал Артём.

– Да пошел ты!

– И ты вали с миром.

Артём посмотрел на диски, раскиданные на земле возле машины. Жаль их бросать, но гордыня не позволяла наклоняться под взглядом парня, с которым только что дрался из-

за девушки. Раздался рингтон: «Тянем-потянем золотой туман. Улицы-подруги, нас любите снова. Тянем-потянем золотой туман. Все, караван, приехали». Ну наконец. Звонок, который он ждал. Артём сразу потерял интерес ко всему, что сейчас произошло – к Фрези, Егору, дискам, вскочил за руль своего «ранглера» и выехал со стоянки.

Ольга с высоты веранды проследила, как машина Дегтярева вырулила на шоссе. К хозяйке «Заводи» подошел вышибала Костя. Он чувствовал, что недоработал, не успев вмешаться в разборку.

– Я уже хотел раскидать их, но тут девчонка сама управилась. Она молодец.

– Это точно, – согласилась Ольга.

Егор увел Фрези в гардеробную, которая служила комнатой отдыха для персонала.

– Дурочка, зачем ты вмешалась? Я бы убил его, если бы он тебя ударил.

– Он всего лишь хотел, чтобы я послушала какую-то музыку.

– Музыку?.. Серьезно? Мама тебя не учила не залезать в машину к кому попало? Даже если тебе обещают конфетку.

– Нас Данко познакомил. Данко его знает. Помнишь, я тебе говорила о его рисунках?

– А-а, вот в чем тут дело. Данко. Ладно, я объясню этому чиканурику, что ему лучше из своего астрала не вылезать.

– Егор, Данко не виноват. Это ты как-то слишком эмоционально среагировал.

– Да этот тип мог черт знает что с тобой сделать.

– Ты это серьезно?

– Да, серьезно. Я видел его в баре. И он мне конкретно не понравился.

– А Данко он нравится. Я бы даже сказала, что он слишком романтично на него реагирует.

– Шизняк заразен. Ну ничего, у меня мозги в порядке. Делай что хочешь, а я буду беречь и защищать тебя, – Егор обнял Фрези, нежно прижал к себе, всем своим телом пытаясь закрыть ее от жестокого мира. – До последнего вздоха, – прошептал он.

Когда все ушли с автостоянки, Данко собрал диски Дегтярева.

5

Артём переехал маленькую дикую речку с берегами, сплошь заросшими камышом и осокой. За мостом начиналась улица рабочего поселка. Под фонарем у здания дискотеки стояла полицейская машина. Артём не стал сворачивать на площадку перед мрачноватым двухэтажным зданием. Имея дело с полицией, он всегда оставлял себе свободу маневра для быстрого отвала. Поэтому «ранглер» он оставил на обочине и пошел к полицейским. Это были молодые оперативники из отдела по борьбе с оборотом наркотиков. Оба были в джинсах и куртках, но кобуры с пистолетами и наручники, демонстративно висящие на поясах, свидетельствовали, что парни при исполнении.

– Здорово, – сказал Артём, сохранив между собой и операми такую дистанцию, чтобы не надо было протягивать руку для пожатия. А то ведь мигнуть не успеешь, как на лапе защелкнется браслет. – Где он?

Один из оперов кивком головы показал за угол здания.

– У тебя три минуты, сталкер. И давай без эксцессов, лады?

– Лады.

Освещена была только площадка перед входом в здание. За углом был мрак. Сырой и вонючий. Опившийся пивом молодняк ссал тут, соревнуясь, кто выше достанет. На второй этаж вела пожарная лестница. К ней наручником был прикован бегунок, сам по виду прожженный торчок. Взгляд у него был как у зверька, угодившего в капкан – страх и ничего человеческого. Увидев Дегтярева, он решил, что опера отдали его на расправу и сейчас ему переломают кости или зарежут. Он отпрянул, насколько позволяла рука, прикованная к лестнице.

Дегтярев достал смартфон, нашел портрет, который нарисовал ему Данко, и показал бегунку.

– Знаешь его?

Бегунок скосил глаза на портрет. В свете от экрана белки глаз дико и неестественно сверкнули. Он отрицательно помотал головой.

– Не юли, как сука, и не беси меня. Иначе я тебя тут кончу, – Дегтярев убрал смартфон в карман, освобождая себе руки.

Бегунок чувствовал, что этот тип, кем бы он ни был, способен убить. Дегтярев смотрел не в глаза, а куда-то глубже, в темный, путаный лабиринт сознания торчка. И там его взгляд вполне осязаемо нащупал и схватил мелкое, трясущееся существо, парализованное ужасом смерти.

– Команч, – пробормотал бегунок. – Я у него товар беру.

– Где встречаетесь?

– Вообще не встречаемся. Он СМС присылает, где закладка.

– Как с ним законтачить?

– СМС послать. Он сам ответит.

Сергей Конрад, тот опер, с которым разговаривал Дегтярев, посмотрел на часы. Его напарник Алексей Данилов уже начал нервничать.

– Может, пора уже разогнать эту парочку? – сказал он. – Если сталкер нашего клиента кончит, будут проблемы.

– Не кончит, – ответил Конрад. – Ему инфа нужна, а наш бегунок не тот, на кого он охотится. Но, вообще, три минуты прошли.

Дегтярев вынырнул из темноты за углом дискотеки. Проходя мимо полицейских, он жестом попрощался с ними и быстро пошел к машине.

– Все нормально, – сказал Конрад.

– Уверен?

Полицейские бросились за угол здания. Бегунок обрадовался операм, как родным.

6

Бармен Ашот, взявший тайм-аут под предлогом семейных проблем, на самом деле нашел себе более престижное место и уволился. Ольге пришлось срочно искать ему замену, а пока в баре у нее работал Егор.

– Спасибо, Егор, ты меня выручаешь.

– Без проблем, Ольга Владимировна. Чтобы разливать водку и пиво не надо кончать курсы барменов.

– Надо еще уметь разговаривать с клиентами. Без драки.

– Это особый случай.

– У нас тут весь контингент – «особый случай».

Бар был еще закрыт, и Егор приводил в порядок хозяйство. Ольга села за столик. Рита принесла хозяйке чай и пирожок с семгой. Ольга пила чай и поглядывала, как Егор драит стойку, протирает зеркальные полки, расставляет бутылки, рюмки, стаканы, кружки для пива. Ей нравился этот парень, красивый, аккуратный и, как она уже убедилась, честный. Такой годился в ее команду, подходил по всем статьям. Вот только подружка портила все дело. Мир Егора строился вокруг Фрези, а она была одной из тех странных душ, которых вечно манит что-то несбыточное на горизонте. Не случайно же она взяла себе имя героини фантазмагии Грина «Бегущая по волнам». Скоро ей наскучит «Щучья Заводь», она побежит дальше, и за ней побежит Егор.

Ольга видела, что Егор влюблен в совершенно неподходящую для него девушку, и она в конце концов сломает ему жизнь.

«Что ж... – думала хозяйка «Заводи». – Как говорится, каждый сам себе кузнец своей печали».

Тем временем Люська пребывала в ажиотаже от своего замысла. Она хотела Егора, он вызывал у нее похотливые мечты, в представлении Люськи это была любовь. Она не понимала разницы между любовью и уязвленным самолюбием. С ее точки зрения, Фрези была так себе, пацанка, а она сама – горячая штучка. Она действительно была лакомый кусочек. Мужские взгляды и руки так и липли к ее прелестям. Отказ Егора и его тупая верность Фрези уязвили Люську настолько, что она уперлась в идею достать Егора или, по крайней мере, разбить его любовь. Одно ее действие уже имело успех, как считала Люська, Егор увидел, что Фрези может изменить ему, если на горизонте появится более крутой самец. А Дегтярев по всем критериям Люси был круче Егора. Дальше обдумывая свой план, Люся решила, что ей надо подружиться с Фрези. Дружба дала бы ей больше возможностей быть рядом с Егором и Фрези, развлекаться с ними и пускать в ход свои чары. Если она побольше узнает о них, она обязательно придумает, как их рассорить.

В этом плане была одна сложность: Фрези не отличалась общительностью. Но Люська придумала, как эту проблему решить. Она отыскала Ништяк в какой-то паучьей щели между сараем и забором. Сунув твари деньги и забрав сверток с таблетками, Люся пообещала:

– Я тебе клиентку притащу. Будешь должна.

– Да пошла ты, – огрызнулась Ништяк. – У меня клиентов как репьев на собаке.

Люся заметила, что обычно Фрези пьет грейпфрутовый сок с минералкой. Она смешала в высоком стакане этот напиток и бросила туда голубую таблетку экстази. Себе она налила апельсиновый сок и добавила водки.

Фрези сидела на веранде, как всегда, когда была хорошая погода, а Егор занимался хозяйством в таверне. Иногда она черкала что-то у себя в блокноте, иногда ничего не делала. Она никогда не скучала в одиночестве. Весело постукивая каблукками, подошла Люся. Она поставила на столик бокал с соком.

– Можно угостить тебя? – улыбнулась она. – Я знаю, что ты любишь грейпфрутовый сок.

– Спасибо, – Фрези немного удивилась. Она не ожидала от Люси дружеских жестов.

Люся села и отпила из своего стакана. Она с восхищением смотрела на Фрези, словно в первый раз ее видела.

– Я просто офигела, когда ты располосовала морду Дегтяреву.

– Прости, кому?

– Артёму Дегтяреву. Чуваку, который сцепился с твоим Егором.

– Хан Соло.

– Чего? – не поняла Люся.

– Хан Соло, так он представился. И машина у него подходящая. Настоящий звездолет.

«Да она чекнутая», – подумала Люся.

– Какой звездолет? О чем ты вообще? Слушай, я хотела сказать, что зауважала тебя. Я думала, ты курица. А ты крутая девчонка.

Фрези пожалала плечами, показывая, что не знает, что на это ответить. Люся подняла свой стакан с соком.

– Нам бы с тобой вискаря выпить или текилы, но я на работе. Ольга с меня шкуру спустит. Жаль, что это не я дала по морде Дегтяреву.

Люська взглядом обозначила, что у нее есть причины бить морду Дегтяреву, хотя это не соответствовало действительности.

– За тебя, подруга.

Люська протянула свой стакан, и Фрези пришлось с ней чокнуться. Девочки выпили.

С того вечера, когда случилась драка, Данко не мог избавиться от чувства вины и искал подходящий момент извиниться перед Егором. И вот сейчас такой момент подвернулся. Данко притащил из кладовой коробку с бутылками, Егор начал переставлять их в барный холодильник.

– Егор, – начал Данко, – прости. Я даже представить не мог, что так получится.

– Кто бы сомневался. Ты же чеканурик, отмороженный на всю голову. Не путай свои фантазии с реальной жизнью.

– Я и не путаю. А что касается Артёма, то он...

– Лучший пилот Галактики, как, впрочем, все тут.

Данко слышал неприязненные интонации Егора, видел, что тот сосредоточенно занимается бутылками и не смотрит ему в лицо.

– Ладно, если хочешь знать мое мнение, этот тип опасен. Надо быть совсем дураком, чтобы этого не видеть.

Данко посмотрел на Егора глазами Дикого Лиса, который в очередной раз понял, что его не любят и приручать не хотят.

– Прости.

Он взял пустую коробку и потащил ее на помойку.

Фрези было весело. Офигенно весело. Люся что-то говорила, и это было офигенно смешно.

– Я давно так не смеялась, – сказала Фрези.

– Со мной весело, – ответила Люся. – С парнями хорошо, но подружки тоже нужны. С парнем не обо всем можно поговорить. И в магазин за шмотками тоже лучше пойти с подружкой.

– Я как-то об этом не думала.

Фрези мало общалась с девушками. Так получалось: ревность, соперничество, отсутствие общих тем. Сейчас она удивилась, почувствовав, что Люся ей нравится.

– Вот поэтому ты одета как парень. А ты ведь красивая девчонка. Тебя только одеть надо по-другому. Кстати, а почему ты не красишься?

– Не знаю. Не люблю косметику.

– Ну и дура. Ты же настоящая рок-звезда и должна соответствовать. Все должны на тебя пялиться.

– Нет... это как-то не мое.

– Глупости. Или все это твой парень. Он тебя ревнует и не дает развернуться. Ой, у меня идея!

– Какая?

– Мы тебе сейчас сделаем опушищенский макияж. У меня такая шикарная косметика. Идем. Да идем же!

Люська схватила Фрези за руку и потащила ее за собой в таверну. В зале они едва не столкнулись с Данко. Он нес из подсобки очередную коробку с бутылками. Девушки, смеясь каким-то странным смехом, пронеслись мимо него.

«Если бы это была не Фрези, я бы решил, что они чем-то закинулись», – подумал Данко.

До открытия бара оставалось еще немного времени. Егор собрался найти Фрези и пообедать с ней, позже времени для перекуса у него уже не будет.

– Алло, шеф, обслужи девушек, – раздался голос Люськи.

Егор обернулся. Он не узнал Фрези. «Это еще откуда здесь взялось?» – мелькнуло в голове. Потом до него дошло, что это его Фрези, и лицо Егора исказила гримаса ошеломления до того уморительная, что Фрези захохотала. Егор никогда не слышал у нее такого дикого, блядского смеха.

Фрези всегда носила волосы или просто распущенными, или собранными в хвостик. Сейчас они были подняты вверх и торчали на макушке, как что-то немыслимое. Просто кандибо-

бер какой-то. Часть длинных прядей свободно свисала на лицо и шею. Лицо было раскрашено, как у поп-дивы с обложки журнала вроде «Rolling Stone». Под слоем тона с блестками кожа Фрези мерцала, как у вампирши.

– Ну, так как, Егор, обслужишь девушек? – промурлыкала Люська, явно намекая на скрытый смысл слова «обслужишь».

– У нас что, Хеллуин? – огрызнулся Егор.

Время, оставшееся до открытия бара, ушло на то, чтобы отмыть и привести в порядок Фрези. Егор очень не хотел, чтобы она в таком виде попала на глаза Ольге. Егор ни разу еще серьезно не упрекал Фрези. Даже за приключение с Дегтяревым он упрекнул ее только за доверчивость. Егор был убежден, что если что-то плохое и могло случиться, то только по вине такого подозрительного типа, как Дегтярев, но ни как не Фрези. Теперь же, отмывая ее в душе мотеля, Егор заподозрил, что она под действием наркотика. Фрези клялась, что наркотиков не принимала и даже не видела.

– Не было ничего такого. С чего ты взял?

Однако она хихикала и брыкалась, пока Егор, наклонив ее над раковиной, отмывал лак, из-за которого ее волосы стояли дыбом. Егор не мог отправить Фрези домой одну в таком неадекватном состоянии. Но и подвести Ольгу, бросив бар, он тоже не мог. Он взял ключ от свободного номера и отвел туда Фрези.

– Ну, постой, дурашка, – сказала Фрези каким-то не своим, лепечущим, голоском. – Ну чего ты надулся? Ха-ха... просто не могу на тебя смотреть. Ты, оказывается, то еще занудище. Люсик права...

– Люсик?

– Ну, Люся. Она, оказывается, классная девчонка.

– Люся? Это она дала тебе дурь?

– Да не было ничего. Ты меня уже достал, – лепечущие интонации исчезли, Фрези начала злиться. – Мне хорошо. Мне, блять, оху-ительно хорошо. И тебя это злит. Ты ревнуешь меня ко всем, Люсик права. Поэтому ты набросился на Соло.

– Он не Соло.

– Тогда, может, и я не Фрези?

«Да, ни хрена ты никакая не Фрези. Тебя зовут Юля, и твои родители сходят с ума, потому что ты сбежала из дома, вообразив себя Дженис Джоплин», – вот что Егор готов был сказать ей сейчас. Но он посмотрел в сверкающие яростью зеленые глаза и не посмел. Он готов был на все, лишь бы не потерять ее.

– Нет, ты Фрези. Моя Фрези.

Егор обнял ее и поцеловал в лоб, нежно, как ребенка.

7

Терпение было не самой сильной чертой характера Артёма Дегтярева. Но образ жизни, который он вел после гибели отца, и цель, которую преследовал, научили его ждать. Острая интуиция художника вела карандаш Данко, когда он, рисуя этого парня, изучал... нет, не характер, скорее, что-то более глубинное. Это трудно или невозможно было выразить словами, но было на острие карандаша, в импульсах мускулов руки. Данко чувствовал в Дегтяреве волка. В чем-то он таким и был. Сильный, неприхотливый, выносливый, способный пробежать десятки километров, преследуя цель. Оперативник отдела по борьбе с наркотиками Сергей Конрад назвал Дегтярева сталкером, имея в виду исконный смысл этого слова – охотник, следопыт. Он только не знал, кто был целью охотника. Команч, на след которого встал Дегтярев, точно не был его целью. В силу сложившихся так обстоятельств Команч сам был следом, который должен был привести к настоящей цели. И вот тут Дегтяреву нужно было терпение. Он послал Команчу

СМС, вступил с наркодилером в игру, которая должна была привести к личной встрече. А дальше как получится. Это мы играем в орлянку с судьбой. И однажды доигрались так, что хуже не придумаешь.

Не обладая терпением, Дегтярев научился переключаться и расслабляться, чтобы не выгорать от злости, когда приходилось ждать. Артём остановил «ранглер» у футбольного поля на краю поселка. Никакого травяного покрытия тут в помине не было, просто земля, плотно укатанная. Границы поля обозначали автомобильные покрышки, стоймя закопанные в землю. Артём достал из багажника футбольный мяч и вышел на поле.

Несколько минут он играл с мячом, проделывая всякие футбольные трюки. Он не оглядывался, просто чувствовал, что они уже здесь. И когда, наконец, поймал мяч и оглянулся, уже знал, что увидит.

Стайка деревенских мальчишек стояла на границе поля и смотрела на него горящими от нетерпения глазами.

– Сыграем?

Артём бросил мяч, и мальчишки, сорвавшись с места, помчались за ним. Он дал им время вцепиться, войти в азарт, забыть о вежливости по отношению к незнакомому дядьке и уже тогда включился в игру. Артём перехватил у мальчишек мяч и повел. Они погнались за ним всей стаей – быстрые, ловкие.

Футболка была мокрой, когда Артём забрасывал мяч обратно в багажник. Мальчишки стояли вокруг и с вождением смотрели на настоящий кожаный мяч. Артём понимал их чувства, но отдавать мяч не собирался. Чтобы утешить их он отдал большой пакет с чипсами.

8

Егор и Фрези занимались любовью. Все разногласия и обиды были забыты. Ссора, случившаяся накануне, даже способствовала усилению желания. Вернувшись утром домой, они, едва переступив порог, начали срывать друг с друга одежду. Первый раз Егор взял Фрези стоя. Она прыгнула на него, обхватила ногами поясницу. Ягодицы у нее были маленькие и упругие. Каждая помещалась точно в ладонь. Это было то, чем он сейчас владел во всех смыслах, и ничего другого во всем мире ему было не надо.

Они приняли душ вместе, лаская друг друга под струями теплой воды, и Егор взял Фрези еще раз. Затем он на руках отнес ее на постель.

Проснулись они уже ночью. За открытой дверью балкона сияло звездное небо. Квартира помещалась на самом вершине под крышей большого шестнадцатиэтажного дома. Ночью свет уличных фонарей не проникал в комнату, и можно было видеть небо. Фрези это ужасно нравилось, она любила сидеть на балконе и смотреть на звезды.

На этот раз Егор чувствовал, что, несмотря на то, что он все делает так, как ей нравится, Фрези чего-то не хватает. Он почувствовал, что что-то изменилось в их отношениях, и чтобы удержать ее, он должен превзойти себя, доказать, что она не насытилась им. И, кажется, ему это удалось.

«О... Да. Да, Его-о-о-р... Если ты сейчас... Я убью тебя».

Когда ее тело перестало содрогаться и расслабилось, Егор позволил себе кончить. Он смотрел в лицо Фрези, лежащей под ним, и видел, что ее глаза под полуопущенными ресницами не смотрят на него. Ее взгляд был обращен куда-то внутрь себя.

– Ударь меня, – вдруг попросил Егор.

– Как?.. – не поняла Фрези, но ее взгляд сфокусировался на нем.

– Как ты ударила того мудака на стоянке.

Фрези засмеялась.

– Ударь, – потребовал Егор.

Она ударила его по щеке. Но это было совсем не похоже на тот кинжальный, ранящий удар (словно отточенными перьями боевого крыла), от которого на скуле и щеке Дегтярева сразу заалела кровь.

– Давай поспим, – она положила ладони Егору на грудь и оттолкнула, освобождаясь.

Егор лег на бок. Фрези повернулась к нему спиной и прижалась, вписываясь в изгиб его тела. Прохладный ветерок играл занавеской на открытой двери балкона. В их доме под самой крышей всегда было ветрено. Фрези это нравилось, она любила сквозняки.

Егор заснул и не заметил, как Фрези встала. Во сне он перевернулся на живот и обнял ее подушку.

Фрези накинула тунику и села на стул у балкона, на котором всегда сидела, когда работала. На столе лежала гитара, листы нотной бумаги и блокноты. Фрези взяла гитару, склонилась над ней, пальцы коснулись струн. Играть сейчас было нельзя. В этом проблема жизни в большом доме. Вдохновение обычно приходило к Фрези по ночам. Она легко коснулась струн, гитара отозвалась.

Свет ночного неба проникал через балконную дверь. Он освещал круглый стеклянный столик, на котором лежала нотная бумага, и кожаный кофр от гитары. Когда Фрези вешала этот кофр за спину на плечо, он становился похож на зачехленные крылья. Сейчас кофр хранил опасную тайну.

В кармашке кофра лежали две таблетки, завернутые в полиэтилен. И это были таблетки не экстази.

Пока Люська в комнате отдыха причесывала Фрези и рисовала на ее лице боевую раскраску, девчонки болтали обо всем, что приходило в голову. Фрези, кажется, никогда столько не болтала. И Люська спросила, пробовала ли Фрези наркотики?

– Нет. Никогда.

– Да ты что? А как же ты сочиняешь музыку? Я думала, все сочиняют под кайфом. И тебе надо попробовать.

Фрези иногда думала о наркотиках. Особенно когда что-то не получалось, и она готова была на все, лишь бы разрушить преграду, за которой скрывалось пространство внутренней свободы и неограниченных возможностей. Ее останавливали страх последствий и трудности, связанные с добыванием наркотиков. Но она, как та девочка из сказки о Красных Башмачках, знала, что они, эти красные башмачки, стоят там, в магазине зловещего продавца на самой дальней и темной полке. Надо встать на цыпочки и протянуть руку, чтобы схватить их. Они поведут ее в мир магов и шаманов, откроют двери. Цена известна. Будешь плясать, пока не сдохнешь.

Под действием экстази мир казался прекрасным, полным солнечного света и веселых звуков, от нежной щекотки которых она смеялась. Люсик оказалась такой классной девчонкой, той подружкой, какой у Фрези никогда не было. Оказывается, она любила музыку Фрези и понимала ее песни. От прикосновений ее пальцев лицо Фрези замерцало, как у эльфа.

– Тебе надо попробовать. Не будь дурой, от одного раза ничего не будет. Посмотри на меня. Я пробовала, и что? Я похожа на наркошу?

– Нет.

– Ну?

– Это ведь надо где-то достать.

– Тоже мне проблема. Тут есть одна... Нет, ты с ней, пожалуй, не договоришься. Ладно, я сама.

Ночью Люська забежала в номер, в котором Егор устроил Фрези, и бросила ей фунтик с двумя таблетками.

– Сколько это стоит? – спросила Фрези.

– Потом, – отмахнулась Люська. – Спрячь.

Прошли уже сутки, но экстази продолжал свою скрытую работу. Он освобождал в лабиринтах подсознания демонов, о которых она даже не подозревала. Притуплял инстинкт самосохранения. Таблетки лежали в кармашке кофра и, как пара Красных Башмачков, звали ее.

Егор проснулся, почувствовав, что он один в постели. Фрези с ним нет. Он поднял голову и увидел ее на стуле возле балкона. Она всегда сидела там, когда работала. Но почему она не зажгла свет?

Егор протянул руку и включил лампу.

– Фрези.

Фрези вздрогнула и посмотрела на него. У нее был такой взгляд, как будто он застучал ее за чем-то нехорошим. Она что-то быстро зажала в кулачке.

Егор понял, что это такое. Он вскочил и бросился к ней.

– Что у тебя там?

– Ничего.

– Это не ничего, а оно самое. Покажи.

Фрези спрятала руку за спину. Она была готова защищать свою «прелесть», Красные Башмачки, а точнее свою свободу делать что хочется, рисковать, экспериментировать.

Егор протянул к ней руку. Он готов был силой вырвать то, что она прятала в кулаке. Фрези отшатнулась. Егор увидел в ее глазах страх. Она не боялась взломать свой мозг, но боялась боли.

Егор не мог причинить ей боль. Что угодно, только не это. Он понимал, что она никогда не простит ему унижения, если он применит силу.

– Не надо. Прошу тебя. Если ты любишь меня, если я для тебя что-то значу, не делай этого.

– Но я хочу. Только один раз. И больше никогда. Обещаю.

– Глупышка. Все с этого начинают.

– Я не все. Мне это надо для работы, для творчества. Я хочу сломать преграду. Хочу пройти за грань тупого, обыденного сознания.

– И что ты хочешь там найти?

– Себя настоящую. Или другую. Егор, если ты меня любишь, ты не будешь мешать. Ради любимого человека ведь можно послать на фиг свои принципы.

– Фрези, ты собираешься сделать невысказанную глупость, и я тебе этого не позволю. Я понимаю тебя, понимаю, чего ты хочешь. Но даже если ты начнешь сочинять, как... как, ну я не знаю, Дженис Джоплин там какая-нибудь... и все офигеют.

– И что? Думаешь, ради этого не стоит рискнуть? Один раз. Я не собираюсь становиться наркоманкой. Если ты меня действительно любишь, будь со мной. Смотри, тут две таблетки. Давай вместе.

Крючок любви глубоко сидел в сердце Егора. Он пошел бы за своей любимой куда угодно. Сейчас он готов был идти за ней в ад. «Ладно, раз так... Я проглочу эту гребаную таблетку, лишь бы она не сделала это еще раз».

– Один раз... всего один раз. Мы преодолеем грань вместе.

– Поклянись, что это будет только один раз.

– Клянусь.

Приняв таблетки, они легли рядом. Ложем им служил раскладывающийся на полкомнаты диван. Егор лежал на спине и ждал. Ничего не происходило.

«Я должен защищать ее... и, прежде всего, от этого. Надо было отнять таблетки и трахнуть ее, раз уж у нее сегодня ПМС. Идиот... А таблетка-то, кажется, не действует. Может, ей подсушили какую-то хрень из аптеки... Почему я на лестнице? Как я тут оказался?..»

VAD TRIP ЕГОРА ВЕРЕСКА

Лестница вела наверх. Справа зиял провал на несколько этажей вниз. Слева тянулась стена, разрисованная безумными граффити. Егор шел наверх, потому что искал кого-то. Искал Фрези. Если она тут, то она в беде. Это место опасно.

Егор взбежал по лестнице и оказался в обширном пустом пространстве. Кажется, он вышел на этаж высокого, недостроенного здания, у которого нет еще даже стен – только железобетонные опоры и конструкции.

Он был здесь. Стоял на самом краю на фоне пустого пространства за пределами здания. Егор остановился, пытаясь понять, кто он. В его стойке, в очертаниях фигуры было что-то знакомое. Когда он обернулся, Егор уже знал, кого увидит.

Четкое лицо героя боевика. Три кровавые полосы на щеке. Кровь густая, искристо-алая отчетливо видна на его коже.

– Ты ее не получишь, – сказал Егор. – Давай, иди сюда. Доведем дело до конца.

Дегтярев передернул плечами, с презрением принимая вызов Егора.

– Я тебе сказал, береги ее. Ты облажался.

Егор бросился на него. Они сцепились. Это уже был не спорт и не мальчуковая мелодрама, по выражению Дегтярева, а битва до конца. Насмерть.

Егор вдруг заметил, что сверху льет дождь и пол под ногами уже залит водой. Странно, он знал, что над ними потолок. Разорвав дистанцию, он все же поднял голову, чтобы посмотреть, в чем тут дело, хотя и знал, что нельзя ни на миг терять контроль над врагом.

Плиты сверху разошлись, в щели между ними лилась вода. Но ни это поразило Егора: на одной из плит была нарисована сова. Точно такая сова, как на любимой футболке Фрези. Егор отчетливо увидел горящие оранжевые глаза, мощные крылья с пестрыми перьями и выставленные вперед острые когти.

Воспользовавшись моментом, Дегтярев сбил его с ног. Егор впечатался в пол, подняв целый взрыв водяных брызг. Дегтярев оседлал его. Егор увидел, как он отвел руку для удара. Кулак уже пошел вперед. И тут все как будто зависло, как в компьютерной игре. И только плита над головой начала трескаться и разрушаться. Посыпались осколки. Рот Егора открылся в крике, но он, видимо, тоже завис, как и Дегтярев. Крика не было.

Кусок плиты с нарисованной совой обрушился вниз. Сова, атакующая их с Дегтяревым, – было последнее, что Егор увидел.

Егор вынырнул из глюка. Сердце билось так, что казалось, сейчас выпрыгнет из груди. Оно билось уже в горле, не давая дышать. Он был в поту, мокрый, словно только что действительно валялся в луже. С ужасом Егор понял, что сейчас умрет. Сердце разорвется, не выдержав дикий ритм.

– Фрези... – позвал Егор.

Он протянул к ней руку, но там, где должна была лежать она, было пусто. С усилием Егор приподнялся и увидел Фрези на балконе.

– Фрези... – снова позвал он.

Она не слышала его. Фрези поставила ногу на стул, на котором часто сидела, глядя на звезды. Лицо ее светилось без всякого грима и блесков. Со счастливой улыбкой она смотрела на небо и видела манящий простор, доступный ей. Ведь она всегда знала, что умеет летать.

Егор увидел, как Фрези, стоя на стуле, поставила ногу на перила балкона.

– Фрези!!! – заорал он. – Фрези, нет!!!

Он рванулся, чтобы поймать ее.

Фрези легко оттолкнулась и прыгнула. Раскинув руки, она прыгнула прямо в сверкающее звездами пространство и почувствовала, как с упругим шелестом раскрылись мощные крылья.

Новосибирск. 2002

Наводку на это место Артём получил в институте от бегунка по кличке Фуфик, снабжавшего наркотой студентов. Спортивный комплекс на окраине города в 90-х захирел. Процветали только бандитские «качалки» и сауна. Сюда для решения дел приезжал один из главарей наркомафии по кличке Мельник.

Ночью Артём пробрался на территорию комплекса. Его фигура в черных джинсах и кожаной косухе очень органично вписывалась в окружающую реальность. Разруха, запустение, граффити на стенах. Главный вход в комплекс был наглухо закрыт. Артём обошел здание и через несколько метров наткнулся на проход, ведущий куда-то вглубь. Проход, узкий и темный, частично перекрывала железная решетка. Артём остановился и настороженно осмотрелся.

Из прохода вышли двое уголовного вида парней, типичные бычары.

– Тебе чего?

– Мне Мельник нужен, – сказал Артём. – Фуфик сказал, его здесь можно найти.

– Фуфик ему сказал. Вали отсюда, пока я добрый.

– Пожалуйста... – заскулил Артём, – мне доза нужна, а денег нет. Я студент... Фуфик сказал, Мельнику нужны студенты...

– Харэ канючить.

– Фуфел тебе фуфла на уши навешал. На то он и Фуфел. Короче, вали отсюда, ушлепок, пока я...

Свет фар вдруг выхватил Артёма и быков из мрака. Машина подъехала и остановилась. Дальний свет переключился на ближний. Из машины вылез парень с повадками телохранителя. Он открыл заднюю дверь.

– Ну вот тебе и Мельник, – ухмыльнулся один из бычар. – Только не плачь теперь, сучок.

Мельник был одним из лидеров местной наркомафии. Бандит с замашками плейбоя, он мечтал о вилле в Майами, о шикарных кабаках и вечеринках с кинозвездами. Но до осуществления мечты еще было далеко.

– Что у нас тут? – спросил он.

– Студент, – ответил один из бычар. – Нарколыга. Дурь толкать хочет.

– Студент?

Мельник уставился на Артёма взглядом опытного работорговца, оценивающего товар.

Мальчик хорош. Поджарый, мускулистый. Высокие скулы, точеный подбородок, карие глаза. Такие нравятся девкам, да и парням тоже, а значит, немало своих дружков и подружек такой успеет посадить на дурь, пока наркотики не сожрут его самого.

– Проверь его, – приказал Мельник телохранителю.

Артём инстинктивно отступил, когда телохранитель шагнул к нему, но быки схватили его и удержали. Телохранитель обшарил карманы косухи и джинсов.

– Мобила, ключи, бумажник.

Мельник протянул руку, и телохранитель отдал ему бумажник.

– Посмотрим, что нам тут черт послал.

В бумажнике были водительские права.

– Артём Дегтярев. Вот как, не шутишь? – на лице Мельника появилось такое выражение, словно черт преподнес ему сюрприз, но он еще не вполне в этом уверен. – Уж не сынок ли Олега Дегтярева.

– Нет, – мотнул головой Артём.

– Точно, – щелкнул пальцами Мельник. – Сынок. Джек-пот.

После гибели жены и дочери Олег Дегтярев уволился со службы и бросился в дикую охоту за Сологубом. Он должен был отомстить за убийство Нади и Маши и найти сына. Если Артём был еще жив, то только Сологуб знал, где он. Несколько лет дикой охоты превратили Дегтярева в человека, одержимого ненавистью уже не только к бандиту, отнявшему у него семью, но и ко всему миру криминала. Вначале, пока еще оставались в силе прежние принципы, Дегтярев ловил и сдавал бывшим коллегам убийц, насильников и наркоторговцев, потом он начал просто убивать подонков, имевших несчастье попасться ему на пути.

Дегтярев пересек черту закона, и на него самого объявили охоту не только бандиты, но и свои. Бывшие коллеги не особо усердствовали, но криминальный мир ждал случая свести с ним счеты.

До города уже было недалеко, когда зазвонил телефон. Определился номер Артёма, и Дегтярев ответил.

– Артём, что у тебя?

– Папочка, это не Артём. Это Мельник. Я говорю по его телефону. Понимаешь, что это значит?

– Я еду, – ответил Дегтярев. – Говори куда.

Артема привязали к решетке, частично перекрывающей проход в чрево бандитского шалмана, в который превратился бывший спорткомплекс. В процессе ему пару раз дали в морду, но особо не усердствовали, ожидая, что главная веселуха впереди.

– Мне нужны гарантии, что ты отпустишь сына живым, – сказал Дегтярев.

– Гарантии? Не смейся, Дегтярь, какие тут могут быть гарантии? Только мое слово. Не веришь, можешь не приезжать. Но тогда сам знаешь, что будет. У тебя двадцать минут.

– Не успею.

– Успей или найдешь здесь труп.

Мельник отключил телефон и подошел к Артёму.

– Ну вот, – весело сказал он, – сейчас приедет папа. Воображаю, что он тебе скажет. Я могу дать ему бейсбольную битку, пусть оторвется напоследок. А ты, правда, сидишь на наркоте?

Артём отрицательно мотнул головой.

– А-а, вот оно что. Папа послал на разведку? Вот одержимая сволочь, сыночка не пожалел.

– Да иди ты... Отец меня не посылал, я сам.

– Молодец. Решил поиграть. Ну, давай поиграем.

Мельник вытащил из внутреннего кармана пиджака кожаный несессер и расстегнул молнию. Внутри лежал шприц и ампула.

– Будет забавно, если папочка обнаружит, что ты не только подставил его, но еще и обдолбан в хлам.

Мельник с сомнением посмотрел на шприц и ампулу.

– Нет, – сказал он, закрыв несессер. – Пока нет. Хочу, чтобы ты был в адеквате и все видел.

Дегтярев остановил машину, не доезжая до спорткомплекса. Он открыл багажник и потянулся за ружьем, которое лежало там, завернутое в брезент.

«Надо держаться, – отчаянно думал Артём. – Отца им не взять. Видал он таких... Главное, продержаться, не расползтись в говно. Все нормально будет, отец порвет их нахуй».

– Стоять! Подними руки!

– Руки, гад! Руки, я сказал!

Дегтярев положил ружье и закрыл багажник. Он поднял руки и медленно повернулся. Их было пятеро, все вооружены, но даже такая ситуация была не безнадежна. Старый волк,

побывавший в жестоких переделках, Олег Дегтярев мог бы позаботиться о спасении своей шкуры. Но сейчас для него имело значение только спасение сына.

– Пошли, – сказал Дегтярев так, словно он тут командовал. В принципе, так оно и было.

В последнее время Дегтярев чувствовал, что он изможден, пресыщен кровью и смертью. Выжжен изнутри. Слишком долго он выполнял жестокую и опасную работу и понимал, что уже не получится замести следы и вписаться в нормальную жизнь. Всему есть цена. Есть цена мести, чести, любви. Сейчас главное – вытащить засранца, а там... Не худший конец.

– Знаешь, сколько людей мечтают разделаться с тобой, Дегтярь? – сказал Мельник. – Но сегодня судьба на моей стороне.

– Отпусти мальчика, – ответил Дегтярев. – Пусть уходит.

– Отпущу. Он уйдет живой. Даю слово.

– Хочу поговорить с сыном.

– Последнее желание? Давай. Только не затягивай.

Артём еще надеялся, что отец знает, что делать. Он уже что-то придумал, может, позвал кого-то на помощь. И сейчас, как в боевике или вестерне... Когда отец подошел к нему, Артём понял, что это конец.

– Папа... прости... я хотел...

– Я знаю, что ты хотел. И слава богу, что у тебя не получилось. Иначе все было бы еще хуже.

Дегтярев обхватил ладонями лицо сына. В его жесте было столько любви, нежности и оберегающей силы, что Артём вдруг почувствовал себя ребенком. Отношения у них всегда были сложные.

Дегтярев вообще не был склонен к проявлениям нежности, и Артём не терпел того, что счел бы соплями. Но сейчас был момент истины.

– Папа... – по щекам текли слезы.

– Тише, тише. Вот так. Послушай меня, сын. Не смей мстить. – Дегтярев смотрел в глаза сына, стараясь внушить ему свою волю. – Не делай моих ошибок. Удержись. Переломайся и удержись. Живи. Я хочу, чтобы ты жил.

Артёму пришлось увидеть, как отца поставили на колени и, связав руки за спиной, привязали их к лодыжкам. В этой позе он был совершенно беспомощен. Мельник наклонился к нему.

– Ты многих убил. Сегодня твоя очередь умереть. Гори в аду, сволочь.

По сигналу Мельника двое бандитов облили Дегтярева бензином из канистры. Мельник нагнулся и понес зажигалку к тонкому ручейку, позволявшему ему стоять на безопасном расстоянии.

Артём рванулся, пытаясь порвать веревки.

– Отец!!! – заорал он. – Отец! Нет!

Его крик перекрыл вопль горящего заживо человека.

Глава 2 Дегтярев

1

Уже неделю Егор не появлялся в «Щучьей Заводи». Данко пытался ему звонить, но телефон был отключен.

В ту ночь, когда погибла Фрези, наряд полиции, вызванный жильцами дома, нашел Егора лежащего на полу. Он был без сознания.

Егор Вереск пришел в себя в больнице. Он помнил, что дрался с Дегтяревым и их атаковала сова. Дальше все, провал.

Оперативники из отдела по борьбе с наркотиками первыми получили доступ к Вереску. Старший лейтенант Конрад и старший лейтенант Данилов – представились они, чисто формально предъявив удостоверения. Егор пытался отвечать на их вопросы, с трудом выстраивая фразы и подбирая слова. Оперативники быстро поняли, что он рассказывает им про драку с человеком, который существует только в его воображении. Они регулярно имели дело с людьми в различных стадиях наркотического опьянения, поэтому профессионально и жестко принялись распутывать хаос в голове Вереска. Под их прессингом пелена спала, и Егор вспомнил все, что случилось ночью.

– Она жива? – спросил он.

– А сам как думаешь? Там ведь шестнадцатый этаж.

– Не хилый такой полет получился.

– Я хотел удержать... Бросился... Не понимаю, почему...

– Да потому, что обдолбался паленой дурью, – без всякого сочувствия ответил Конрад. – Тебе повезло, что сердце выдержало. А могло клина поймать.

Конрад и Данилов уже поняли, что ловить им тут особо нечего. Они не нашли в квартире Вереска и Фрези ни нычек с наркотой, ни признаков регулярного употребления. Судя по всему, это был трагически закончившийся эксперимент.

После ухода оперативников Егор удрал из больницы. Ушел прямо в больничных штанах и халате, которые ему тут выдали, потому что, когда его привезли, своей одежды на нем не было. Подметки у ветхих больничных тапочек вскоре отвалились, пришлось идти босиком. В больной голове Вереска застряла идея: надо вернуться домой, лечь на их с Фрези диван и заснуть. Ему казалось, что когда он проснется, все будет хорошо. Гибель Фрези окажется глюком, как драка с Дегтяревым. Она будет лежать рядом или сидеть с гитарой, перебирая струны и черкая в своем блокноте.

Дверь была опечатана клейкой лентой. Ключа у него не было. Егор ударил в дверь плечом, потом бил ногами. Дверь не поддавалась. Это была крепкая дверь, поставленная рачительными хозяевами. Соседи вызвали участкового, и он открыл Егору дверь.

В квартире предстала характерная картина разгрома. Тут работала опергруппа, искали наркотики. Утро за окном и следы чужого вторжения убили иллюзию, что можно все исправить. Егор вышел на балкон. На площадке с разноцветными пластмассовыми домиками под присмотром мамаш и бабушек играли дети. Люди шли по своим делам. Машина выезжала с автостоянки. Жизнь продолжалась как ни в чем не бывало. Истоптанный газон у стены дома был единственным свидетельством трагедии. Больше Егор на балкон не выходил. Он закрыл дверь и задернул шторы.

Данко снова и снова набирал номер Егора в надежде, что он ответит. Но ему по-прежнему отвечал безразличный голос электронного автоответчика.

– Съезди к нему утром, – предложила Ольга.

– Ольга Владимировна, а может, я прямо сейчас поеду?

– Нет, Данко. Я не могу тебя отпустить. Ты же видишь, у меня людей и так не хватает.

Ольге пока не удавалось найти подходящего человека на место Ашота. Эта проблема как-то решалась, пока работал Вереск, теперь ситуация была аховая. Ольга уступила настойчивым домогательствам Люси и пустила ее за стойку, предупредив, что это временно. Бар был самым проблемным местом в ее хозяйстве в смысле махинаций с деньгами, а Люська – девка стремная, с загребущими лапками. Пока Люська цвела и пахла за стойкой, воображая себя королевой таверны, Данко пришлось занять ее место. Принять заказ, обслужить за столом – работа вроде несложная, но тоже требует определенной сноровки. Данко был еще худшей заменой официантке, чем Люська в баре, где надо было следить за каждым движением ее хищных лапок. Ольга пока мирилась с временными трудностями и искала. Претенденты на должность бармена появлялись, но по тем или иным причинам им приходилось отказывать. Ольга предпочитала проявить осторожность, чем потом, разругавшись в пух и прах, избавляться от неподходящего человека, да еще и разруливать всякие претензии.

Ольга была создана природой, чтобы стать матерью-основательницей большой семьи, даже целого клана. Но неудачно сходяв замуж – три раза, она поняла, что удачи ей в этом деле нет. Дочь уехала учиться в Москву и встретила там испанца. Теперь она жила в Барселоне, где у ее Луис Альберто (как называла мужа дочери Ольга, хотя его звали совсем иначе) был небольшой семейный бизнес. Кажется, обувной магазин. С дочерью и двумя внуками Ольга общалась по скайпу. По-русски внуки говорили заученными фразами с подсказками матери. Так что весь свой нереализованный дар главы клана Ольга вкладывала в «Щучью Заводь». Придорожный мотель достался ей от третьего мужа в совершенно разваленном состоянии. Мужу осточертело, что на голову каждый день обрушиваются проблемы, он бросил все и удрал искать более веселой и легкой жизни. Ольга, работая по тридцать часов в день, удержала тонущий корабль на плаву и превратила в прибыльное заведение.

Улучив свободную минуту, Данко вышел на веранду и достал телефон. Он набрал номер Артёма Дегтярева. Данко не был уверен, что стоит грузить Дегтярева проблемами, не имеющими к нему ни малейшего отношения. Да и черт его знает, где был сейчас Дегтярев. И почему Дегтярев? Ведь Данко почти ничего реально не знал об этом парне. Но сейчас Данко просто не к кому было обратиться за помощью.

– Здорово, Данко, – ответил Дегтярев.

– Привет, Артём. У нас тут такая беда... Фрези погибла.

– Знаю. Видел сообщение в газете.

Газеты Дегтярев не читал. Сообщение о происшествии с девушкой, выбросившейся с балкона, Артём нашел в полицейских сводках, но Данко не надо знать, что у него есть доступ к закрытым сайтам отдела по борьбе с наркотиками.

– Мы тут, понимаешь, Егора найти не можем. Боюсь, как бы он чего такого не натворил.

– Его проблемы.

Артём вытащил из багажника сумку и направился к гостинице, в которой собирался провести сегодня ночь.

– Все-таки, может, ты подъедешь к нему домой? Адрес я тебе сейчас пришлю.

– Вот уж нет. Во-первых, у меня тут свои дела и свои планы. А во-вторых, мне этот парень вообще похрену. Я его видел всего раз.

– Ты с ним дрался.

– Я много с кем дрался. Драка не повод для знакомства.

– Артём, помоги. Я тебя прошу, потому что больше никому.

– Послушай, Данко, – Артём остановился на ступеньках, чтобы закончить разговор, прежде чем войдет в гостиницу. – Для него же лучше, если я его больше никогда не увижу. Он позволил девчонке прыгнуть с балкона. Я таким мудакам шею сворачиваю. Все, пока.

Артём отключил телефон. Он вошел в гостиницу и направился к рецепции. Телефон просигналил о полученном сообщении. Это был адрес Егора.

– Твою ж мать!.. – Дегтярев повернулся и пошел обратно к дверям.

Егор решил, что с ним все кончено. Это просто вопрос времени. Прежде он должен позаботиться о Фрези. Но оказалось, что тело Фрези, Юлии Аксеновой по паспорту, забрали родители. Они уже увезли ее, чтобы похоронить в родном городе. Далеком и совершенно незнакомом Егору.

Он купил бутылку водки, влил в себя все ее содержимое и отключился. Дальнейшее прорывалось в сознание обрывками, словно дыры в мутной пелене беспамятства. Какие-то улицы и подворотни, чьи-то квартиры, оголтелые девки, которые поили его, а потом лезли в штаны. И кажется, не только девки. Егор урывками помнил, что бил какого-то парня.

В моменты просветлений Егор понимал, что совершенно утратил контроль над собой. В следующий раз он очнется за решеткой или в больнице, или в морге. Ну, тогда уже не очнется. Во время очередного просветления Егор решил, что падение слишком затянулось и не стоит ждать, когда все закончится каким-нибудь уж совсем безобразным образом. Надо разобраться с собой самому. Он не понимал, где находится: какая-то очередная компания, пьют, орет музыка. Егор просто встал и пошел.

На этот раз он знал, куда идет. Нужно вернуться в исходную точку. Откуда все началось, там и должно закончиться. Он помнил, как рванулся за Фрези, чтобы прыгнуть следом, поймать. Он это сделает. Прыгнет и догонит ее в полете.

Егор был уже недалеко от дома, когда из переулка вышла стая подростков. Две пацанки лет по четырнадцать пристали к Егору, канюча деньги. Он тупо посмотрел на злобные, раскрашенные, порочные мордочки и попытался пройти мимо. Парни окружили его. Они что-то орали, кривлялись. Вереску было плевать, он их вообще не понимал: какая-то мелюзга в татуировках и майках с демоническими принтами.

Насколько опасна эта стая, он начал соображать, только получив хороший пинок в зад. Девки взвизгнули от восхищения. Их приятели кинулись на жертву, удары обрушились на Егора сразу со всех сторон.

Дегтярев искал дом Егора, адрес которого он забил в навигатор. Стрелка показывала, что через несколько метров ему надо свернуть в проезд между домами. Как раз у поворота он увидел драку: подростковая банда била пьяного парня. Девки, визжа от восторга, снимали «веселуху» на смартфоны.

«Нагнать что ли на уёбков страху, пока они не убили чмошника?» – Дегтярев присмотрелся и понял, что чмошник как раз тот, кого он ищет.

– Вот ведь, мать твою, – Дегтярев вылез из «ранглера».

Самый рослый и тренированный на вид поганец примерился лягнуть Егора, изображая из себя звезду каратэ. И тут лапы Дегтярева сгребли его за шкуру и пояс штанов. Используя инерцию замаха, Артём отправил «каратиста» в полет с ускорением. Он был не прочь дать по ушам еще паре гаденышей, но банда бросилась удирать.

– Поймаю, – крикнул им в след Дегтярев, – оторву, нахрен, уши, хвост, лапки. Вообще все.

Егор стоял, согнувшись, опираясь руками в колени. Тяжело дыша, он поднял голову, посмотрел на «супергероя» и узнал Дегтярева.

– Тебя здесь нет, – сказал Егор. – Ты глюк.

– Пиздец. Так и знал, что не надо ввязываться.

– Ну и вали.

– Нет уж. Раз я тебя нашел, отвезу в «Заводь».

Егор выпрямился, отчаянно пытаясь принять независимую позу.

– С чего вдруг? Я никуда с тобой не поеду.

– А что ты сделаешь?

– Не твоё дело.

– Обдолбаешься смертельной дозой или повесишься? Ты хоть понимаешь, что вштыренный молодняк тебя чуть не забил нахрен?

– Сказал, не твоё дело.

– В общем, не моё. Но раз уж так получилось... В общем, поехали.

– Пошел ты, глюк.

– Я не глюк.

Дегтярев сбил Егора с ног ударом в челюсть, подобрал с асфальта и потащил к машине.

Данко только что отнес на кухню поднос с грязной посудой, когда зазвонил телефон.

– Привез вашего мальчика, – сказал Дегтярев. – Распишитесь и получите.

Данко выскочил во двор. Дегтярев стоял, привалившись задом к крылу «ранглера». Руки засунуты в карманы куртки, вид мрачный. На всякий случай Данко осторожно обошел его и открыл дверь машины.

Вереск лежал на пассажирском сидении. Он был в отключке. Лицо разбито.

– Это ты его так? – спросил Данко.

– Пришлось пристрелить, как сказал герой «Золота Маккены», – ухмыльнулся Дегтярев.

Данко дернулся.

– Ладно, ну дал я ему по морде один раз... может быть.

– Помоги вытащить его из машины.

– Вот уж нет. Ты просил его найти, я нашел. Дальше сам. Хорошо, он мне салон не заблевал, а не то...

– Что у вас тут? – Ольга оценила обстановку и приняла командование: тут была ее палуба и она капитан. – Чего стоим? На что любимся? Седьмой номер свободен, давай Артём, надо отнести его туда.

– А чего я-то? – в голосе Дегтярева вдруг прорвалась нелепая для его брутального стиля интонация подростка, бунтующего против власти родителей.

Ольга посмотрела на него укоризненно и властно.

– Я помогу, – засуетился Данко.

– Не надо.

Артём взял Егора за руку, выдернул из салона, поднырнул под него и поднял на спину. Данко отметил, как ловко он это проделал, и постарался зафиксировать в памяти рисунок движения.

Номерами в «Щучьей Заводи» служили отдельные деревянные домики, стоящие вплотную друг к другу. Данко открыл дверь. Артём втащил Егора внутрь и сбросил на кровать.

– Тяжелый ублюдок, а так вроде не скажешь.

Данко принюхался. Грязная одежда, алкогольный перегар, вонь немывтого тела – пошлые подробности падения на самое дно бытия коробили Дикого Лиса, привыкшего уважать Егора за чистоплотность и врожденное изящество.

– Слушай, Артём, он ведь очухается, и черт знает, что тогда от него ждать. Что делать-то?

– Рекомендую бутылку водки и бейсбольную биту. Одно из двух поможет.

Артём приложил два пальца ко лбу, салютуя Данко, и исчез в темноте за порогом домика.

2

«Какого хера я злюсь?.. Меня зацепила девочка... Да. Что-то в ней было. Не похожа на сучек, с которыми все заканчивается случкой. По-любому у меня с ней ничего бы не получилось. На это нет времени».

Дегтярев гнал обратно в город. Свет фар выхватывал из ночного мрака серебристо-серое полотно трассы, на которую его вывело узкое лесное шоссе.

«Несчастный придурок не выкарабкается. Знаю, как это бывает, когда накрывает. Я бы сам не выкарабкался, если бы не Борька. Не мне его судить. Похоже, будет плохая ночь».

Он снял номер в первой же гостинице, которая попалась ему при въезде в город – пристанище для мелких коммерсов, обдeldывающих свои дела на местном рынке стройматериалов. Ресторан уже был закрыт, но Дегтярев купил водку у охранника. Он грохнулся на койку, не раздеваясь, даже не снял кроссовки. Алкоголь быстро отравил мозг, отключил сторожевую систему, не позволявшую прорываться в сознание картинам, которые могли свести его с ума. Стражи отключились, и демоны, его персональные демоны, вылезли из мрака.

«РАНГЛЕР»

Кто-то вызвал ментов, увидев огонь в районе спорткомплекса. Мельник и его банда отвалили, услышав вой сирены. Наряд вызвал скорую. Олег Дегтярев еще был жив, но у него было обожжено семьдесят процентов тела. Он умер через два часа в больнице. Артёма менты отвезли в участок и попытались допросить. Он молчал, его трясло, пот лил с него ручьями, взгляд не фокусировался. Врач вколол ему максимально допустимую дозу транквилизатора. Но говорить Артём все равно не мог. Голоса вообще не было из-за сорванных связок, да и не соображал он ничего. Его отпустили, пообещав вызвать для более детального допроса, но почему-то так и не вызвали.

Хозяева выгнали Артёма из съемной квартиры, и он черт знает сколько провалялся в тупом оцепенении в машине отца, ставшей его убежищем.

Потом он неизбежно пришел к мысли, что спасение от ужаса и боли в водке. У Артёма был такой вид, что когда он попытался войти в магазин, охранник преградил ему вход. И вот тут-то его и накрыло в первый раз. В припадке бешенства Артём бросился на охранника. От серьезных неприятностей с ментами Артёма спасли патриотически настроенные забулдыги, принявшие его за дембель-нувшего десантника.

– Ничего, боец, ничего... Главное, люби родину, мать твою. Где родился, там и пригодился, нахуй. – утешали «десантника» забулдыги, вливая в него какую-то дрянь, от которой его потом рвало и голову хотелось разбить о стену.

Его снова накрыло. Теперь это было не бешенство, а паническая атака. Его трясло, он обливался потом, сердце лупило, как мотор, пошедший в разнос. И он помчался. Помчался, сам не зная куда. Топил педаль в пол и мчался, сжигая бензин, гнал, обезумев от ужаса, словно чувствовал за собой створу призрачных адских гончих. Почти не ел, тратя оставшиеся деньги на бензин. Трассы выбирал пустынные, ночевал в машине, просто остановив ее где придется. Чудо, что он не разбился.

Отец запретил мстить. Да плевал он на его запрет. Он много на что плевал и бодался с отцом с того самого дня, когда Дегтярев-старший вдруг объявился и сломал его жизнь. (Хотя у него тогда и рогов-то еще не было, чтобы бодаться. Только чесучие шишки там, где они пробивались.) И вот как все это обернулось. Артём решил вернуться, найти Мельника и прикончить. Не важно, что его самого при этом убьют.

Он бы так и сделал, если бы не встреча, изменившая самоубийственный план.

На дороге Артёму попался эвакуатор, тащивший на свалку разбитый автомобиль. Практически куча металла: ужасное зрелище, но в этой куче еще просматривался облик того, чем она была до роковой катастрофы. На платформе эвакуатора стоял черный «ранглер».

Вид разбитых машин тяжело действует на нервы, Артём резко обогнал эвакуатор, но «ранглер» почему-то не выходил у него из головы. «Он как я. Или я как он», – подумал Артём. Он гнал вперед, но что-то скребло внутри. В конце концов Артём остановился, подождал эвакуатор и поехал следом.

«Его еще можно восстановить», – бредовая идея засела в башке так, словно от его решения зависело что-то жизненно важное. Или даже так, словно груды металла, от которой он почему-то не мог отвязаться, еще жила, обладала собственной волей, и он – парень с сорванной напрочь крышей – был ее последней надеждой.

Следом за эвакуатором Артём доехал до свалки металлолома, при которой работала фирма, занимавшаяся разбором на запчасти автомобильных трупов. Артём обменял машину отца на «ранглер». Его бессовестно обсчитали с доплатой, но ему было все равно. Главное, что денег хватало на то, чтобы оплатить хозяину эвакуатора 1 600 километров трассы до Чебаркуля. Там у армейского друга Бориса Гнездилова был дом и автомастерская.

Вечером следующего дня, выйдя из мастерской, Борис спокойно оценил проблему.

– Сгружай, – скомандовал он водителю эвакуатора.

Друзья договорились, что Артём будет работать в мастерской, а в свободное время восстанавливать «ранглер». Борису нужен был напарник. Дела шли хорошо, и с надежным напарником можно было бы расширить бизнес. Но Борис быстро понял, что с Артёмом что-то не так. Угрюмый и напряженный, он избегал общения даже с женой Бориса Катей. За что и получил обратку: Кате он тоже не нравился. Но она терпела, понимая, что армейский друг – это святое.

Катя видела Артёма Дегтярева до того, как он появился, на фотографиях в раме, висевшей у Бориса в мастерской. Муж и его друг служили в вертолетном полку в батальоне технического обеспечения. Механики – в своих черных комбинезонах они стояли рядом с Ми-24. На этих фотографиях Дегтярев оказался куда как симпатичней, чем в жизни.

Насколько все плохо, стало понятно, когда Артёма внезапно, без всякого повода накрыло волной бешенства. Он сбил передвижной верстак и начал крушить все вокруг себя. Борис чудом успел перехватить железяку, летевшую в лобовушку клиентской машины.

– Артём! – заорал он.

Совершенно невменяемый, Артём громил мастерскую, как машина разрушения.

Борис шагнул к нему – мощный в своем черном комбинезоне, расстегнутом на широкой груди, обтянутой грязной майкой. Артём развернулся – легче Бориса килограмм на двадцать, но быстрый и опасный, как безбашенный танк. И тут точно в челюсть прилетел здоровенный кулачище Бориса.

Арте́м рухнул на пол и замер в позе морской звезды.

– Боря, ты убил его! – совершенно дурным голосом завопила Катя.

Она услышала грохот в мастерской, вошла посмотреть, что происходит, и увидела финал разгрома, когда Борис нокаутировал Артёма.

– Ничего, – сказал Борис, – только вырубил.

Катя подошла к мужу и с ужасом посмотрела на Артёма.

– Боря, это же просто жуть какая-то. Я так и знала, что он псих. Ты пустил в дом психа с его разбитой машиной. Выгони его, наконец, пока он тебе мастерскую не разнес и дом не сжег.

– Нет. Артём – мой армейский кореш. И ему нужна помощь.

– Ты хоть понимаешь, что с ним?

– Сорвало болты.

– Вот, я и говорю, его место в психушке. А у нас семья, дом. Ну какое нам до него дело?

– Катя, ты соображаешь, что сейчас делаешь? Уговариваешь меня сдать в психушку друга.

– Зачем его куда-то сдавать. Просто пусть уходит.

– Я сказал нет. Ему нужна помощь, и Артём знает, что может на меня положиться.

Катя покачала головой.

– Ты уверен, что можешь помочь?

– Да, я знаю, что делать. И Артём знает. Потому и машину разбитую притащил. Восстановит машину, восстановит себя.

– Не знала, что у меня муж – идеалист.

Исцеление заняло не один месяц. Срывы у Артёма еще случались, но становились все реже. Борис подумал было, не взять ли друга с собой в тренажерку. Но, к счастью, понял, что это плохая идея – тащить в зал, полный стероидных суперменов, парня, у которого сорвало болты с крышки его персонального ада.

Каждый вечер после окончания рабочего дня Артём брался за «ранглер». Машина серьезно пострадала, и для ее восстановления требовалось много дорогостоящих запчастей. На них уходила значительная часть того, что Артём зарабатывал в мастерской. Но «ранглер» стал для него целью, своего рода путеводной звездой, которую он постоянно видел перед собой и знал, что делать, куда двигаться.

Ментальная связь с машиной становилась все более ощутимой. Работая, Дегтярев вел с «ранглером» мысленный разговор. Никакой шизы. Это был вполне деловой разговор механика с машиной. И эти трезвые, внятные, реальные мысли блокировали хотя бы на время разрушительный хаос, царивший у него в голове. Хаос, состоящий из попыток доораться до отца и получить хоть какой-то отклик оттуда, где он находился. Из боли, от которой не спасал алкоголь. Из ненависти к себе.

«Ранглер» защищал его.

Однажды случилось нечто, чему не было рационального объяснения и не стоило искать. Артём только что установил лобовое стекло. Ночью в одиночестве и тишине он возился в салоне с электрикой. Возможно, он заснул и сам этого не заметил. Он видел лобовое окно перед собой и приборную панель, но за стеклом почему-то была лесная дорога и ночь. Свет фар выхватывал асфальтовую ленту, летящую под капот, кусты и деревья по обочинам. У Артёма не было ощущения, что это он гонит по лесному шоссе с какой-то немислимой скоростью. Скорей, это было похоже на то, что он смотрит кино. У него возникло ощущение, что в машине, той машине, сидят двое – мужчина и женщина. Артём их не видел, но он слышал голоса.

«Скорей... Уже просто невтерпеж... Хочешь, трахну тебя прямо сейчас на капоте?... Нет. Это уже было. Хочу перед камином на медвежьей шкуре».

Дорога впереди круто заворачивала вправо. Поворот под 90 градусов терялся в темноте. Фары выхватывали продолжение дороги вперед по прямой. Это была просека, перегороженная бетонными блоками. Машина на бешеной скорости врезалась в блоки. Картинка за стеклом рассыпалась и погасла.

Дегтярев пришел в себя. Он не понимал, что это было: сон или он действительно увидел ту аварию?

Его отношение к «ранглеру» и так было особенным, теперь он поверил, что между ним и машиной существует некая сверхъестественная связь. Само собой, он никому об этом не стал рассказывать.

Пришел день, когда под лучами прожектора, который Артём зажег дополнительно к обычному свету, «ранглер» засверкал свежей черной краской.

– Нарекаю тебя Крокодил, – сказал Дегтярев, салютуя бутылкой пива.

– Как наш Ми-24? – одобрительно усмехнулся Борис.

– А то как же.

Всю ночь Дегтярев пил и смотрел кошмарный триллер, который с упорством маньяка киномеханика крутила его память.

«Уж точно не мне осуждать этого парня. Он недосмотрел за своей девушкой, а я подставил отца», – Артём научился смотреть в глаза своим демонам.

Нормальная хозяйка, не колеблясь, выкинула бы за дверь такой поломанный и опасный хлам, как Егор Вереск. Хороший был парень, но теперь надо бы поскорей от него избавиться, и пусть сходит с ума, спивается, убивает себя где-нибудь подальше от процветающего заведения. Но Ольга была другой породы. Люди, которые приживались в «Щучьей Заводи», становились частью команды. Ольга не бросала членов своей команды, если они попали в переделку в порту и получили удар ножом или их смывало за борт волной. Их притаскивали на борт или бросали спасательный круг.

Ольга нашла в хозяйстве чистые рабочие штаны и рубашку и поручила Данко с Ритой заставить Егора помыться и переодеться. А главное – проследить, чтобы дурень не свалил втихаря и не продолжил свой путь на дно, как субмарина с пробоиной в борту и заклиненными рулями. Приставания Данко и Риты не вызвали у Егора ничего, кроме тупой злости и раздражения. Но ему было так плохо, что он просто не способен был сопротивляться.

– Спасибо, но не стоит со мной возиться, – сказал он Ольге. – Меня утопить надо в сортире. И чем скорее, тем лучше.

Ольга поставила перед ним стакан с мутноватой на вид жидкостью.

– Пей.

– Что это?

– Не спрашивай. Просто пей.

Егор взял стакан. Рука у него дрожала. Люська, протиравшая стойку с видом полновластной хозяйки, исподтишка наблюдала за ним. Красивые глаза светились, как у затаившейся в засаде кошки.

– Вот что, мальчик, – сказала Ольга, усаживаясь напротив Егора, – ты у меня работаешь, если не забыл. За стойку я тебя такого не пущу, с музыкой тоже лучше повременить. Но в мотеле и всякой другой работы полно.

Егор отрицательно мотнул головой.

– Я пойду, – тупо сказал Егор и сделал движение, чтобы встать, но звук открывшейся двери почему-то насторожил его. Егор обернулся и увидел Дегтярева.

Все уставились на Дегтярева. Никто не ожидал его появления. Он осмотрелся, нашел взглядом Егора и направился к нему.

– Мне надо с ним поговорить, – сказал Дегтярев, остановившись у стола, за которым сидел Егор.

Ольга оценивающе посмотрела на Дегтярева, решая, уступать ему или нет. На этой палубе капитаном была она.

– Ничего такого, – ответил на ее взгляд Артём. – Мы просто поговорим.

– Хорошо, – Ольга поднялась со стула со своей особой мягкой, тяжеловесной пластикой. – Все за работу. Через час открываемся.

Артём сел на место Ольги. Егор потер подбородок, на котором расплывался синяк.

– Нахера ты мне в челюсть дал? Я был в хлам, но я помню.

– А нахера ты меня глюком обозвал?

Артём изучающе смотрел в лицо Егору. Ни ядовитых искр, ни презрения в его глазах не было, но и симпатии тоже не было. Холодный, изучающий взгляд человека, что-то для себя решающего и действия которого зависят от того, что он сейчас увидит.

– Ну и?.. Чего опять прикопался? – взгляд Дегтярева сбивал Егора с толку. Он не понимал, что Дегтяреву от него надо, зачем он явился.

– Девочка крепко сидела на дури? – спросил Артём.

Вереск дернулся от боли. Вот оно как – решил получить свое. Вчера бить его – пьяного, ничего не соображающего, жалкого – было не по кайфу?

– Да пошел ты, гребанный ублюдок!

Артём усмехнулся.

– Так я и думал.

Дегтярев встал. Делать ему тут было нечего. Парочка ширялась в свое удовольствие, и все варианты, как это должно было закончиться, известны. Не имело смысла в это ввязываться.

– Не ширялась она! – в отчаянии крикнул Егор в спину Дегтяреву. – Один раз попробовала и... и все.

Артём вернулся.

– Точно?

– Точно.

Не спрашивая разрешения, Артём подошел к холодильнику и достал бутылку воды. Вернувшись за стол, он выпил ее сразу почти всю.

– У меня тоже была плохая ночь, – шурясь, сказал он. – Поговорим.

Ольга ничего не имела против того, чтобы мальчики выяснили отношения. Но один раз они уже дрались, и она не собиралась выпускать ситуацию из-под контроля. Хозяйка «Щучьей Заводи» устроилась за одним из дальних столов, разложив тут калькулятор, рулончики чеков и блокнот, в котором вела подсчеты. Занимаясь своей бухгалтерией, она боковым зрением отслеживала Егора и Артёма.

– Ты не понимаешь, – сказал Егор, зачем-то (он сам не понимал зачем) пытаясь объяснить Дегтяреву, как ненавидит себя за то, что уступил Фрези и позволил ей эксперимент с наркотой.

– Уж поверь, понимаю. Но давай не будем про вино и все такое. Подбери сопли.

– Я не просил. Ты сам прикопался. Что тебе надо?

– Твоему стремлению к саморазрушению можно найти практическое применение.

– Это как?

– Надо разобраться, кто толкнул дурь твоей девушке. Затем надо позаботиться, чтобы говнюк больше никогда никому ничего не продал. Интересует?

– Да. Я хочу отомстить за Фрези.

– Но я должен предупредить, иногда эта работа связана с последствиями, несовместимыми с жизнью.

«Вот, значит, чем он занимается. Такая у него работа, – Вереск внимательно посмотрел в лицо Дегтярева. – Кто он? Мент? Не похоже. Скорей, потерял кого-то. Друга? Брата, сестру? Мстит за своих, поэтому вернулся».

Ольге позвонил очередной претендент на должность бармена.

– Хорошо, – сказала она. – Все, что вы говорите, меня в общем устаивает. Давайте встретимся. Подъезжайте сегодня.

Дегтярев и Егор встали и направились к ней.

– Жду вас, Максим. До встречи.

Ольга отключила телефон и вопросительно посмотрела на парней. Дегтярев сел.

– Ольга, вы ведь знаете, кто тут у вас барыжит дурь?

Дегтярев стал появляться в «Щучьей Заводи» недавно и нечасто. Но он был из тех, кого трудно не заметить. Впрочем, он был не особо общителен, и Ольга в первый раз так близко, лицом к лицу, видела его. Определенно, он выглядел старше Егора, но Ольга помнила, как его хриловатый баритон чуть не дал петуха: «Чего я-то?».

«Ему нет тридцати, – подумала Ольга. – Но он побывал в передрягах».

– Есть тут одна лахудра, – сказала Ольга. – Кличка Ништяк. Продает косяки дальнобоям и «таблетки любви» девочкам.

– Как эту лахудру найти?

– Артём, ты всерьез думаешь, что если бы я знала, не сдала бы ее полиции? Подожди до вечера. Появятся девочки, с ними поговори.

– Ага. Понял.

Люся, имитируя полезную деятельность, возилась за стойкой. Ей не удалось подслушать весь разговор Ольги с Дегтяревым, но до нее долетело имя Ништяк. Люся забеспокоилась.

– Вам что-нибудь налить, мальчики? – она игриво улыбнулась, пытаясь приманить ребят к стойке и попытаться выяснить, что происходит и почему они вдруг снюхались.

– Бутылку воды из холодильника, – попросил Артём.

Он с интересом проследил, как Люська, направляясь к холодильнику, виляет задом.

– Будем ждать девочек? – спросил Егор.

– Размечтался, – Артём положил на стойку деньги. – Где сейчас Данко?

– На кухне, – ответила Люська. – Бар еще закрыт. У меня нет сдачи.

– Одну бутылку я уже взял сам. Остальное, будем считать, мой кредит на будущее. Теперь есть основание заезжать сюда почаще.

Откровенный взгляд Дегтярева намекнул, что основание чаще бывать в «Заводи» – это Люська. Ей польстило внимание такого парня, но она напустила на себя гордый вид. Пусть не воображает, что она легкая добыча и свалится ему в лапы, как спелое яблочко.

«Тоже мне, нашел время для кобеляжа», – начал заводиться Егор, но Дегтярев забрал свою воду, и они направились на кухню.

Данко чистил рыбу. Лицо и руки у него были облеплены чешуей.

– Ты знаешь, где Ништяк найти? – спросил Артём.

– Нет.

– А кто знает?

– Наркоманы.

– Да ты что? А я думал, Гринпис.

– Я серьезно. У них в лесу что-то вроде колонии.

– А вот это уже интересно. Давай поподробнее.

Данко рассказал, что, отправившись однажды гулять по окрестностям, наткнулся в лесу на шалаш и кострище. Людей тогда там не было, но Данко понял, что это наркоманский приют, увидев в траве шприц. Он поспешил убраться оттуда и сейчас мог только приблизительно объяснить, как это место найти.

Несмотря на свою фамилию, ассоциировавшуюся с какими-то дикими пустошами, Егор Вереск был до мозга костей горожанин, дитя асфальта. Вся его жизнь проходила в городе, а когда он стал диджеем и встретил Фрези, то основной средой обитания для него стали клубы и заведения вроде «Щучьей Заводи», где музыканты находят работу. Он совершенно не умел ориентироваться в лесу, вообще не представлял, как тут можно найти что-нибудь без дороги и указателей. Дегтярев ориентировался отлично. Егор не понимал, как он определяет, куда идти, и просто шел следом.

Они вышли на поляну, судя по всему ту самую, которую им описал Данко. Тут действительно был шалаш и горел костер. Все вокруг было закидано какой-то дрянью – пластиковые бутылки, упаковка от жратвы, тряпки. У костра сидел парень и кипятил что-то в кружке. Заметив Артёма и Егора, он присмотрелся, определил в них чужаков и вскочил на ноги, собираясь удрать. Артём в один прыжок оказался рядом и сгреб за грудки. Парень даже не пытался сопротивляться. Он обмяк в лапах Дегтярева, как птичка в когтях кота.

– Ты... ты кто? – заскулил он.

Артём толкнул наркомана к Егору.

– Держи его за шкирятник.

Егор схватил парня сзади за воротник куртки и вывернул ему одну руку за спину. Дегтярев обшарил карманы парня и быстро отыскал то, что искал – сверток с наркотой.

– Смотри, – сказал Дегтярев, дразня наркомана свертком, – расскажешь, как найти Ништяк, получишь свою «прелесть». Или сейчас в костер кину.

По наводке торчка из лесного притона Артём и Егор нашли логово мелкой торговли Ништяк. Покосившаяся, насквозь прогнившая развалюха стояла на берегу заросшей ивняком речушки. Дом был окружен такими же гнилыми, кое-как сколоченными сараюшками. Во дворе греблась в мусоре стая грязных, тощих, одичавших кур.

– Ципа, ципа, ципа, – Ништяк кинула курам объедки из миски и тут увидела двух парней, вошедших во двор.

Торговка боялась чужих. Какие-нибудь залетные могли напасть, отнять деньги и товар, за который потом придется возмещать поставщику. Эти «черти» точно были не ее клиентура. «БЕГИ!!!» – животный инстинкт завопил, как кот, которому наступили на хвост. Ништяк кинула миску и бросилась наутек. Куры разбежались с истерическими воплями. Ништяк успела шмыгнуть за угол сарая.

Артём и Егор погнались за ней.

– Кыш, пернатая сволочь! – из-под ног, размахивая крыльями, разбежались куры. Артём чуть не наступил на одну.

За сараем начиналась совершенно дикая территория, заросшая кустарником и репьями в рост человека. Ништяк и раньше удавалось спрятаться в этом буераке и отсидеться. Но парни, как пара гончих, гоняли по кустам. Особенно один из них безошибочно определял, где она затаилась – верхним чутьем брал что ли? Ну чисто пес.

Наконец парням удалось выгнать Ништяк из буерака и прижать к реке. Видя, что бежать ей больше некуда, Ништяк повернулась к преследователям, готовая отбиваться до последнего. В выражении жуткой рожи алкашки и всей ее позе выразилось истерическое бесстрашие загнанного в западню животного. Она даже руки выставила с растопыренными, как звериная лапа, пальцами и черными от грязи ногтями.

Егор был ошеломлен зрелищем. Он не понимал, как Фрези, его девочка, могла иметь дело с этим мутантом, потерявшим человеческий облик, взять тот проклятый сверток с таблетками из этих грязных лап. Потом он сообразил, что перед ним убийца Фрези, и двинулся к ней с единственным желанием – придушить.

– Не дергайся, – Дегтярев схватил Егора за плечо и остановил. – Она тебя исцарапает, а может, и покусает. А у нее до хрена заразы.

– Плевать. Я ей башку сверну.

– Нет. Прежде поговорим.

Дегтярев плечом оттер Егора от Ништяк.

– Слушай, чувырла, я сейчас утоплю тебя в твоём собственном говнятнике или сдам ментам. Тогда ты, по крайней мере, выживешь.

– Чего надо?

– Хочу знать, с чего вдруг ты продала дурь его девушке? Если ты не в курсе, девушка погибла.

– Это певичка что ли? Которая с балкона сбросилась?

– Тварь! – Егор сделал попытку добраться до Ништяк.

Дегтяреву пришлось приложить силу, чтобы удержать его.

– Держи этого психа! Не продавала я ей ничего. У меня своя клиентура. Я чужим не продаю.

– Допустим. И кому ты в ту ночь дурь продала?

– Кому надо, тому и продала.

– Значит, в говнятник?

– Чего сразу в говнятник? Девки, как всегда, брали веселые таблетки. Потом еще эта красатуля, официантка что ли...

– Люся или Рита? – спросил Егор.

– Да мне плевать, как их зовут. Купила веселые таблетки, а потом попросила что по сильнее.

– Люся, – сказал Егор. – Я видел, как Фрези с ней тогда хохотала, а потом размалевалась, как на Хеллуин.

– Вот и разобрались, – Дегтярев принялся отдира́ть репы с куртки и джинсов.

Ништяк покосилась на него с униженным, трусливым и молящим выражением – так собака смотрит на живодера, надеясь, что ей удастся выскочить из петли.

– Давай, тетка, шкандыбай. На зоне тебя заждались, – Дегтярев оказался добрей живодера, в том смысле, что не свернул шею. Может, просто побрезговал.

«Ранглер» остановился у ворот «Щучьей Заводи». Во двор мотеля Дегтярев въезжать не стал, давая понять, что их с Егором дело закончено и он свободен.

– А с Люськой что делать? – спросил Егор.

– Сам решай. Моя забота Ништяк.

Сзади из багажника раздался гнусавый скулеж.

– Заткнись, чувырла, – бросил через плечо Дегтярев.

Егор вылез из машины. Он понимал, что надо поблагодарить Дегтярева за то, что нашел его, когда вчера ночью все могло очень плохо кончиться, за то, что помог разобраться с Ништяк и Люськой. Но что-то в нем сопротивлялось: задетая гордость или ненависть к себе, о которой он забыл, охваченный азартом охоты на Ништяк, и которая сейчас снова начала высасывать душу. Егор так ничего и не сказал Дегтяреву, а тот и не ждал. «Ранглер» вырулил на дорогу и покатил в направлении города.

4

– Странное чувство юмора у чувака, – сказал Конрад, вылезая из машины и попадая в густой смрад помойки.

– Да уж, можно было найти и получше место для randevu, – согласился Данилов.

Оперативники направились к «ранглеру», стоящему на краю городской свалки. Дегтярев открыл заднюю дверь джипа. В багажнике сидела Ништяк. Руки и ноги у нее были замотаны клейкой лентой.

– Забирайте, – сказал Дегтярев. – Будете должны за дезинфекцию багажника.

– Что за чучело? – спросил Конрад.

– Торговка, кликуха Ништяк. Там наркоманский притон в лесу, недалеко от ее дома. В общем, сами разберетесь.

– Забирай ее, Леха, – скомандовал Конрад своему напарнику. – Давай отойдем, разговор есть, – он вроде бы дружески потянул Дегтярева за рукав, но тот решительно освободился.

– Ты что-то копаешь, сталкер. Может, скажешь, на кого ты охотишься?

– Нет. Это очень личное дело.

– Может, личное, а может, не совсем. Почему-то мне кажется, твой клиент – это и наш клиент. Может, перетрем по-взрослому?

– Нет. Я же сказал, очень личное дело.

– Надеюсь, ты понимаешь, что, если что, поблажки тебе не будет?

Артём кивнул.

Данилов разрезал ножом ленту на ногах Ништяк и выволок ее из багажника. Дегтярев закрыл заднюю дверь «ранглера» и сел за руль. Оперативники потащили Ништяк к своей машине.

– У этого парня какие-то свои счеты с наркомафией, но от него есть польза, – сказал Данилов.

– Чует моя задница, что однажды от него будет большая проблема, – Конрад открыл багажник полицейского седана.

– Нет! – заверещала Ништяк. Мат посыпался из нее, как дерьмо из курицы.

– Лезь, зараза, – подтолкнул торговку Данилов. – А не то к машине веревкой привяжу.

Ништяк попыталась вырваться, но полицейские закинули ее в багажник. Конрад захлопнул крышку.

Ольга курила на веранде, когда вернулся Егор.

– Ну, что? – спросила Ольга.

Егор рассказал, что они с Дегтяревым поймали Ништяк, и мерзкая тварь призналась, что продала таблетки Люсе.

– Надо еще разобраться, как все было. Люся могла купить таблетки для себя. Я поговорю с ней.

– Я знаю, что это она подсунула наркоту Фрези. Не понимаю только зачем. Я хочу услышать, что она скажет.

– Хорошо. Только не дури.

В зале таверны уже сидели люди, захавшие перекусить, Рита обслуживала их. Ольга вызвала Люсю из-за стойки бара и провела ее в дальнюю часть зала, где стоял бильярдный стол. В разгар дня посетителей в игровой части зала не было.

– Не продавала я ей наркоту, – заявила Люська. – Все не так было.

– Хорошо. Расскажи, как было.

Данко и Рита тоже подошли в бильярдную.

– Ну... не знаю, – Люся многозначительно покосилась на Егора. – Это наш с Фрези секрет. Она мне как подружке доверилась.

– Ты ей не подруга. Не ври, – бросил Егор.

– Не буду я ничего говорить. Я не обязана тут перед вами оправдываться.

– Хочешь, чтобы я вызвала полицию? – спросила Ольга.

– Вызывайте. Мне-то что? Я ни в чем не виновата. Она сама закинулась теми таблетками.

– Но ты их ей дала.

– Она сама пристала. Уговорила купить ей у Ништяк таблетки. Сказала...

Люся покосилась на Егора, изображая смущение, но в ее глазах он увидел выражение злобного торжества.

– ...В общем, сказала, что не получает кайфа от секса.

Егора пронзила острая боль. Он почувствовал себя еще более униженным от того, что не может скрыть боль и эта тварь Люська видит, что удар попал в чувствительное, незащищенное место. Он помнил, что в ту ночь, когда все случилось, Фрези была не такой, как всегда, и он чувствовал, что ей чего-то не хватает.

– Я дала ей пару советов. Из личной, можно сказать, практики, – небрежно продолжила Люся. – Но она уперлась, что хочет попробовать то, чем шлюхи пользуются.

– Долбаная сучка! Я тебе шею сверну.

Егор бросился на Люську, но Ольга была наготове. Преодолеть инерцию ее большого девяностокилограммового тела оказалось не так просто, да и Данко помог. Вдвоем они удержали Егора. Люська отпрыгнула за бильярдный стол.

– Хотел правды – получай!

Обычно Рита придерживалась правила моя хата с краю. Но видя, до чего все дошло, она решила, что должна вступить за Егора.

– Не слушай ее, Егор, врет она все. Я ей говорила, не лезь к ребятам. У них любовь и нечего встревать между ними.

– Любовь?.. – окрысилась Люся. – Да пошли вы... По-вашему, у них любовь, а у меня перепихон? Чем ваша Фрези лучше меня? Что у нее такое было, чего нет у меня.

Люська задрала юбку выше некуда.

– Что – это? У меня получше. Поет? Все поют. Вон караоке...

Егор снова двинулся к Люське. Ольга бесстрашно встала у него на пути.

– Уймись, Егор, – тяжелая рука хозяйки «Щучьей Заводи» легла ему на плечо. – Я разберусь.

Довольная, что всем утерла нос, Люська даже пригарцовывала от возбуждения. Норовисто наклонив голову, она смотрела на всех с выражением: «Ну и что вы со мной сделаете?». Но бравада моментально слетела, когда к ней двинулась Ольга. Хозяйку Люська боялась.

Ольга подошла и, прежде чем Люська сообразила что к чему, дала ей хлесткую оплеуху по одной щеке и тут же по другой. Била Ольга по-мужски – точно и сильно.

Мордочка Люськи скривилась в плаксивой, жалкой гримаске. Потекла тушь.

– За что?...

– Значит так, Людмила, – веско сказала Ольга, – собери свое барахло и немедленно выметайся отсюда. И не ищи работу поблизости. Никто тебя не возьмет. Я об этом позабочусь. Пошла.

Егор был как в тумане. Кровь стучала в голове, сердце бешено билось. Почти не соображая, что делает, он двинулся за Люськой, которая побежала в гардеробную. Перед ним снова оказалась Ольга.

– Егор.

Он остановился.

– Даже не думай, – сказала Ольга. – Изобьешь паскуду до полусмерти и сам окажешься на дне помойки. Остынь. А пока делом займись. У меня просто катастрофа. Ни официантки, ни бармена. Давай-ка, парень, мозги в кучку и становись за стойку.

– Не знаю, Ольга Владимировна. Я сейчас плохо соображаю.

– Ничего, Рита тебя подстрахует. Давай, Егор, ты должен меня выручить. Видишь, больше никому.

– Хорошо, Ольга Владимировна.

– Переоденься. Твои вещи уже постирали и высушили.

Странно было вернуться к работе после всего случившегося.

Трудней всего было примириться с тем, что Фрези больше нет, а жизнь продолжается. Вечером в таверну, как обычно, привалил народ, и времени для мрачных размышлений уже не осталось. Отработав смену, Егор остался в мотеле. В первый раз после гибели Фрези он заснул, а не провалился в беспамятство.

Проснулся Егор с совершенно ясной головой и четким пониманием, что он должен сделать. Он позвонил Данко и узнал номер телефона Дегтярева.

– Артём, это Егор. Где тебя найти? Есть разговор.

5

Артём Дегтярев сидел на трибуне футбольного поля. Он пил пиво и смотрел, как тренируется команда. Кроме него на трибуне никого не было, только внизу на первом ряду сидела компания девиц. Очевидно, подруги футболистов.

Он увидел Вереска, когда тот появился на стадионе, осмотрел трибуну, определил в одинокой фигуре Дегтярева и стал подниматься к нему. Егор подошел и сел рядом. Артём вытащил из кармана куртки банку пива и протянул ему.

– Спасибо, – Егор открыл банку и глотнул. Пиво уже было слишком теплым. – Любишь футбол?

– Играл до армии.
– Успешно?
– Не особо. Мы часто переезжали. Не было возможности закрепиться в одной команде.
– Странно.
– Что странно?
– Я думал, такой, как ты, должен заниматься каратэ или боевым самбо.
– Футбол выбрал отец, а его решения не обсуждались. Правда, потом я оценил, как он был прав.

Артём замолчал, так и не объяснив, почему его отец оказался прав. Он спокойно, даже как-то отрешенно следил за игроками на поле.

Егор откинулся на спинку сиденья и коротко взглянул на профиль Дегтярева. Четкие, правильные линии. Красив, как черт. Но, как и в тот раз, когда он увидел этого парня впервые, красота Дегтярева настораживала, отталкивала Егора. Он злился.

Злился и уже ругал себя за то, что позвонил Дегтяреву и вот теперь сидит тут, как дурак, не зная, с чего начать, и даже не вполне понимая, что от него хочет. Лучше всего сейчас встать и уйти, пусть этот гад дальше варится в настое своего злобного высокомерия. Вместо этого Вереск сказал:

– Помнится, ты обещал что-то крутое. Вроде – «последствия, несовместимые с жизнью», так? Ничего крутого я не увидел. Мы поймали вконец сторчавшегося наркологу и грязную чувырлу.

– Ты их недооцениваешь. В смысле последствий. От торчка ты мог подцепить СПИД.

– Издеваешься?

– Нет. Я не имел в виду ничего такого. Он мог просто плюнуть тебе в глаз, а СПИД передается и через слизистые. Чувырла могла тебя поцарапать, даже покусать. А у нее сто процентов гепатит.

– Кто ты? Мент под прикрытием?

– Нет. Что ты от меня хочешь?

– Я думаю, что ты кого-то ищешь. И это, по-видимому, очень большая сволочь.

– Что-то такое мне недавно уже говорили, – усмехнулся Дегтярев.

– Это понятно. Ништяк – мелкая мразь. Она тебя совершенно не интересовала. Тебе нужен Большой Босс, ведь так?

Артём по-прежнему не смотрел на Егора. Трудно было понять, что за этим скрывается: то самое ядовитое высокомерие, на которое Егор нарвался тогда в баре, или всего лишь равнодушие. Егор уже проклинал себя за то, что затеял всю эту фигню с разговором, но он не мог просто так сбросить со счета то, что Дегтярев вернулся в «Заводь» и помог разобраться с убийцами Фрези.

Артём повернул голову и посмотрел на Егора. Он сидел, наклонившись вперед, и смотрел через плечо – настороженно и оценивающе.

– Оно тебе точно нужно?

– Что?

– Лезть не в свое дело.

– Это теперь мое дело. Они убили мою девушку.

Артём снова отвернулся. Словно то, что сказал Егор, было ему не интересно. Банально.

– Я понимаю, для тебя это все сопли и галимый пафос. Но я любил ее, обещал защищать и облажался... Я должен хотя бы отомстить.

Артём продолжал сидеть, подавшись вперед и даже слегка сгорбившись. Казалось, он следит за игроками на поле, и для него нет ничего интересней.

– Не знаю, что мне сейчас сделать, – Егор сплющил в руках пустую банку, – плюнуть и уйти или дать тебе в морду. Не держи меня за фуфлю, Дегтярев.

Повисло напряженное молчание. Дегтярев по-прежнему смотрел на игроков на поле.

И когда Егор уже решил, что надо встать и уйти, Артём сказал:

– Ладно, – хрипловатый, глухой голос прозвучал так, как будто он сказал это в ответ на какой-то свой собственный вопрос. – Чтобы ты не пытался сделать, чтобы справиться с этим, ты имеешь на это право.

– Что-то я совсем не понял, что ты сейчас сказал.

– Ничего. Не имеет значения. Ну, раз пошла такая пьянка, нужно место поспокойнее.

На дверях квартиры висела приклеенная скотчем записка. Егор знал, что там наверняка послание от хозяев с требованием выметаться.

Он не был дома с того дня, когда сбежав из больницы, пришел сюда босой, в больничных штанах и халате с безумной надеждой, что можно проснуться и увидеть, что все было просто кошмарным сном. Егору страшно было переступить порог. Он пожалел, что притащил сюда Дегтярева.

– Спокойно, – Артём отодвинул Егора плечом. – Давай я войду первым.

Он подумал, что не стоило ехать сюда. Но ему с этим парнем, Егором Вереском, предстояло провести где-то время до ночи. «Щучья Заводь» исключалась, у Дегтярева были причины не светиться там. Сегодня все кончится. И если что-то пойдет не так, завтра в мотель может заявиться полиция. Артём не хотел, чтобы Ольга поминала его недобрым словом. Поминала потому, что, возможно, он сегодня умрет.

Дегтярев вошел в комнату. Обычную, ничем не примечательную комнату в съемной квартире. Гитара Фрези лежала на стуле, на котором она любила сидеть, когда работала, и ее блокноты, листы нотной бумаги Егор тоже подобрал с пола и положил на стеклянный столик. Дверь на балкон была закрыта, штора задернута. В комнате было душно. Артём отдернул штору и открыл дверь. Вместе со свежим воздухом в тяжелую тишину, сгустившуюся до осязаемого состояния, ворвались звуки города.

– Мне жаль твою девушку, – сказал Артём. – Очень.

Здесь все еще незримо присутствовал дух Фрези.

– Ты кого-нибудь любил? – спросил Егор. – Я имею в виду по-настоящему, потому что ты...

– Выгляжу, как парень на одну ночь. Я знаю.

– Нет. Я не то хотел сказать.

– Расслабься. Это не твоя проблема. А впрочем...

Дегтярев вытащил из внутреннего кармана куртки бумажник, достал из него фотографию и показал Егору.

На фотографии была красивая женщина с маленьким ребенком, мальчиком лет четырех.

– Это твоя жена? У тебя есть ребенок? – ничего подобного Егор не ожидал. И сердце вдруг сжалось: вдруг этой женщины или ребенка уже нет в живых? Вдруг это те, кого Дегтярев потерял?

– Это моя мама и я.

Во Фриде на фотографии казалось не осталось ничего от той дикой стервы, подруги бандита, укравшей ребенка. Только ее странная, чужая какая-то, красота настораживала, тревожила. Но ее скуластое лицо с точеным подбородком, большим чувственным ртом и черными – цыганскими что ли? – глазами светилось нежностью и любовью к ребенку, которого она обнимала. Кудрявый мальчик со смазливой мордашкой выглядел как типичный маменькин сынок.

Дегтярев бережно положил фотографию в бумажник.

– Твоя мама?.. А...

– Это все. Раз уж ты влез в это дерьмо, ты должен доверять мне.

– Я тебе доверяю.

Дегтярев усмехнулся.

– И что же с тобой делать таким доверчивым?

– Это ты к чему?

– Доверяешь парню, про которого ни черта не знаешь. А главное, не знаешь, есть ли у него что-то, чем он настолько дорожит, чтобы постараться не сдохнуть.

– Ты прав. Я не доверяю тебе. Вообще не понимаю, что ты такое. Но я хочу отомстить за Фрези и не знаю, как это сделать без тебя.

– Так лучше, – кивнул Артём. – Давай посмотрим, что там у тебя в холодильнике найдется на зуб кинуть. А потом надо поспать. Еще есть время.

Открыв холодильник, Егор увидел тот самый сыр и кусок шоколадного торта из дорогой кулинарии. В последний раз, вернувшись из «Заводи» и поставив скутеры на стоянку, они с Фрези зашли в супермаркет. Ночь работы в баре приносила неплохие чаевые, они могли позволить себе любые лакомства, на которые упадет глаз или, как говорила Фрези, встанет жалще. Она выбрала себе мягкий экзотический сыр с цветными вкраплениями тропических фруктов и торт «Шоколадный мусс». Деликатесы лежали на полке холодильника нетронутые. У Егора навернулись на глаза слезы и затряслись губы. Но он справился с собой. Нельзя было сорваться, показать себя слабаком и психопатом, если он хотел участвовать в деле с Дегтяревым. Кстати, Артём ему так и не объяснил, что за дело, которым он собирается заниматься в предстоящую ночь, и какова в нем роль Егора. Но Егор ни о чем не спрашивал, он пока принимал такие правила.

Егор сбросил в пакет для мусора все, что лежало в холодильнике.

– Протухло уже все. Могу пожарить яичницу.

– Угу, – Артём разбирался с чем-то в своем смартфоне.

Ели молча.

«Эта скотина ни разу не шедевр обаяния и общительности», – думал Егор. Он не понимал, как Дегтяреву удалось увлечь Фрези. Тема музыки не вызывала у него доверия. Бабы на него ведутся, это факт. Люська сразу приняла боевую стойку и закрутила задом в ответ на его кобелиные заходы. Но Люська не в счет. Она озабоченная, и ей по определению должны нравиться такие, как Дегтярев. Но Фрези... Егор ни за что не хотел признать, что тогда полез в драку с Дегтяревым не только потому, что испугался за Фрези. Он ревновал, потому что всегда знал, что любит ее сильнее, чем она его. Иногда у нее бывал такой взгляд, словно она не видит его. Она смотрела так, словно всматривалась в бесконечную даль. За горизонт. И что-то там манило ее, как тот остров, к которому, прыгнув в борта корабля, по волнам побежала Фрези Грант.

– Может, ты объяснишь, что мы будем делать ночью? – спросил Егор.

– Нет. Это зависит от того, как все сложится, – ответил Артём. – Показывай, куда можно упасть.

Упасть можно было только на диван. Приводя комнату в порядок, Егор сложил его. Если теперь диван снова разложить, места хватило бы для двоих, даже если учесть, что эти двое парни и постарались бы лечь подальше друг от друга. Но никакая сила не заставила бы Егора лечь на их с Фрези ложе. Пусть Дегтярев – этот гребаный Хан Соло, лучший пилот Галактики, хрен собачий – уляжется на диван и осквернит его неприкосновенность. Тогда, может быть, порвется натянутая до предела нить, причиняющая боль. В доме было так много этих невидимых нитей, заканчивающихся острыми крюками, вонзившимися в сердце, мозг и область солнечного сплетения. После того как Дегтярев употребит диван по прямому назначению, то есть попросту выдохнется на нем, диван станет тем, чем он и является, – просто мебелью. Он перестанет быть особым пространством, крошечным кусочком мира, где было счастье. И не только наслаждение, экстаз секса, но и то особое ощущение нежности и уюта, которое дарило Егору надежду, что он никогда не будет одинок, пока ее голова лежит у него на плече и его руки обнимают ее. И вот теперь он одинок. И не знает, сможет ли справиться с этим.

Не было никаких рациональных причин отказать Дегтяреву в удобном ложе. Все-таки диван – это не кусок изысканного сыра, который вопреки заявлению Егора был еще вполне себе свеж.

Дегтярев установил будильник на наручных часах и растянулся на диване. Егор ушел на кухню. Он думал, что не сможет уснуть, но усталость последних дней заставила его положить руки на стол и опустить на них голову. Он заснул в такой же позе, в какой сэр Тристан, тоскующий по Изольде, заснул в своем замке на подоконнике выходящего на море окна. Но Тристан умер, увидев черные паруса. Тоска убила его. А Егор проснулся, услышав звук будильника Дегтярева.

6

- Может, заедем куда-нибудь перекусить?
- Нет. Работать лучше голодным.
- Тогда, может, ты, наконец, объяснишь, что вообще мы собираемся делать?
- Не сейчас.

Егор разозлился, но не стал настаивать, чтобы Дегтярев, наконец, посвятил его в свой план. Потому что тогда неизбежно пришлось бы заявить что-то вроде: «Если ты не объяснишь, в какое дерьмо мы лезем, я с тобой не пойду». Егор точно знал, какой будет ответ на его ультиматум.

Они вылезли из «ранглера» возле большой автостоянки. Дегтярев двинулся к входу, Егор пошел за ним. Дегтярев вдруг остановился и озадачено посмотрел на Егора.

- Что? – спросил Егор.
- Забыл спросить, ты машину водить умеешь?
- А сам как думаешь?

Дегтярев кивнул и пошел дальше. Машины у Егора никогда не было, права он получил в армии.

Вход на стоянку перекрывал шлагбаум, нужно было пройти мимо будки охранника. Смурной мужик, смотревший бандитский сериал по НТВ, интереса к ним не проявил. По-видимому, он знал Дегтярева. В одном из дальних рядов стояла потрепанная «тойота». Артём открыл дверь, она была не заперта. Он сел за руль, взял из бардачки ключи и завел двигатель. Убедившись, что все в порядке, он вылез из машины и бросил ключи Егору.

- Что это за машина? – спросил Егор.
- Не дергайся. Она не в угоне. Документы в бардачке.
- И что я должен делать?
- Садись за руль, езжай за мной. Остановимся в одном месте, там поговорим.

Подъезжая к шлагбауму, Егор нервничал. Все-таки охранник мог поинтересоваться, кто забирает машину со стоянки, но мужик так и не вылез из своей будки. Шлагбаум поднялся, и Егор выехал на дорогу.

Следуя за машиной Дегтярева, Егор выехал за город и оказался на одном из тех двухполосных шоссе, которые, если посмотреть на карту, накрывают ее, как густая сеть. Минут через пятнадцать Дегтярев свернул на площадку для отдыха. Егор остановился неподалеку. Дегтярев погасил фары и габариты, вылез из машины и направился к Егору.

Глядя на Дегтярева, шедшего к нему через площадку, Егор вдруг остро ощутил, как опасен этот человек и все с ним связанное. Надо врубить скорость и валить отсюда. Бросить все и удирать, если он хочет уцелеть. Но Егор этого не сделал. Дегтярев открыл дверь и сел рядом с ним.

– Видел этого говнюка? – спросил Артём, показав Егору портрет Команча на экране смартфона.

– Нет, – ответил Егор.

– Неважно. Он ездит на «Опеле Фронтера» бордового цвета. Ты должен сесть ему на хвост.

– Так не пойдет. Я не хочу, чтобы ты использовал меня втемную. Это ведь мы влезает в какие-то дела наркомафии?

– Ты же хочешь отомстить за свою девушку.

– Да, но я не безмозглый бобик, гоняющийся за машинами. Почему ты сам не можешь сесть ему на хвост?

– Я назначил ему встречу тут неподалеку в одной забегаловке. Он может засечь, на какой машине я приехал, а мне надо проследить за ним. Сам говнюк мне не нужен, но я скажу ему кое-что, после чего он ломанется к своему боссу.

– Понятно. Мы охотимся на босса. И кто он?

– Мельник. Подходящая, в общем, кличка для хозяина веселой мельницы, перемалывающей людей в труху.

– Послушай, ты только не обижайся, но ты сам вроде как объяснил, что надо все прояснить прежде, чем лезть в один танк с психом. Правда, я уже влез.

– Еще не поздно выскочить.

– Артём, надеюсь, ты не супергерой, сражающийся со злом?

– Точно нет. С головой у меня полный порядок. Я не сражаюсь со злом в глобальном смысле. Моя цель только Мельник.

– Он... Та женщина на фотографии... Он убил твою маму?

– Он убил моего отца.

«Вот они, издержки работы с напарником, – подумал Дегтярев. – Если ты один, никто не сверлит тебе мозг в самый неподходящий момент».

– Как видишь, – сказал он, – цели у нас совпадают. Ты мстишь за девушку, я – за отца. Поэтому мы сидим сейчас вместе в этой долбаной машине. Сегодня день «Ч», когда все можно закончить. Если упустить этот шанс, следующего может вообще не быть.

По шоссе мимо них проехала темно-бордовая «фронтера».

– Вот он, – Дегтярев подобрался, голос стал отрывистым. – Выжди десять минут и подъезжай. Там будет забегаловка. Хаш, шашлык, сам увидишь. Для вида купи воблу, на случай, если у Команча кто-то присматривает за стоянкой. Дальше садись на хвост и просто езжай за ним. Связь по телефону.

Дегтярев вылез из машины и прежде чем закрыть дверь заглянул в салон.

– GPS на всякий случай включи.

«Черт, а ведь он убьет Мельника», – думал Егор, наблюдая, как Дегтярев идет к «ранглеру», садится, выезжает с площадки. – И я стану соучастником убийства, да еще и главаря наркомафии. Охренеть». Угораздило же его ввязаться темные дела Дегтярева. Надо было ограничиться поимкой Ништяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.